

Ольга
Устинова

ЦЕНА
ТИШИНЫ

Ольга Устинова
Цена тишины
Серия «Русское зарубежье.
Коллекция поэзии и прозы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42601639

Цена тишины / О. Устинова: Алетейя; Санкт-Петербург; 2019

ISBN 978-5-907115-84-2

Аннотация

Ольга Устинова – авторский псевдоним. Уроженка Ленинграда. Закончила питерский Университет, филологический факультет. Участвовала в движении нонконформистов в семидесятые годы. Автор опубликованных в «самиздате» и «тамиздате» произведений, получивших широкую известность: романа «Наваждение», романа «Атлантида зелено-белая» и сборника рассказов и повестей «Не обижайте привидение», опубликованных отдельными изданиями. Ее рассказы печатались в «Голубой лагуне», «Новом русском слове», «Бостонском времени» и других русскоязычных изданиях США. Живет в Нью-Йорке с 1981 года.

В издательстве «Алетейя» вышли в свет две ее книги: «Фантом Я» (СПб., 2014) и «Великолепные семидесятые» (СПб., 2016).

Новая книга продолжает известную традицию насыщенной мистическими мотивами напряженной внутренней жизни автора (и его главных героев) и неразрешимого конфликта с внешней средой.

Содержание

Тригер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Ольга Устинова

Цена тишины

Тригер

На стенке книжного шкафа висит большая круглая голова куклы с двумя спускающимися вниз косичками. Кукла Невели, моя прорицательница. Чуть что в воздухе – Невели хмурится и злобно на меня поглядывает.

Я спросил ее сегодня: «За что ты так меня не любишь, за что ненавидишь?» Физиономия ее напряглась от мысли: «Ой, и верно». И вдруг из глазки полилась слеза: «Я ведь не умею-ю. Ты уж держись как-то. Ты у нас размазня».

Никогда не видел Невели расчувствовавшейся. И стало мне не по себе. Потянули дальние страны. Уйти, уйти отсюда. Здесь в воздухе висят и бродят ядовитые мысли озабоченных членов семейства. Любовь моя, мой сынуля, который сейчас в интернате, и разведенная моя жена – мисс М. Мы слишком прижаты друг к другу в этой квартирке. Кончики нервов соприкасаются друг с другом и вспыхивает раздражение. Невели от удовольствия цветет румянцем.

Что за слезинка из глаз Невели? Меня укололо в сердце предчувствие плохого. Не зря она плачет. «Что случилось?» спрашиваю. Взгляд ее отсутствующий. След слезинки высы-

хает на матерчатой щеке. Говорит: «А ты ничего, соображаешь. Надвигается гроза в твоей атмосфере. Берегись. Тебе придется страдать. И сынулю береги. Мисс М. ему понадобится. Пусть присмотрит».

Я сказал: «Каждый раз когда ты такая, я в страхе. Может, уцелею и на этот раз?» Невели всхлипывает. Из ее второго глаза потянулась еще одна слезинка.

«Невели, обратился я к своей домашней прорицательнице. Ты когда-нибудь принесешь мне хороший мессидж? От тебя одно расстройство. Ты – ангел обреченности».

«Я стараюсь – захныкала она со шкафа. Я не хочу тебя пугать. А ты неблагодарный. Ты ничего не хочешь воспринимать всерьез, пока тебя не прихлопнет как муху. На работу позвони. Просись в отпуск».

«Благодарствуйте, – попытался я грустно съязвить. – Неужели все так ужасно?»

«Не знаю, – сказала она. – Не прочитывается. Ты в мрачных облаках. Как перед грозой. И ты очень болен».

Я закрыл глаза и ощутил нечто, увидев в точности все, как описала Невели. Зловещий мрак, и я в нем, как в покрывалах, завернут в ночное пламя индиго.

* * *

Ночь выматывала снами. Один другого кошмарнее. Я ощущал присутствие Невели, холодную ее усмешку, а потом

тихий плач.

Собачка Горпункель, наш дружелюбный немый квартирант, лежал у двери, перекрывая всю нижнюю входную щель, тихонько поскуливая от моих снов. Квартира была явно оккупирована отравленными злыми силами. Но кто был отравитель? Как сказала бы Невели: «Ты хочешь сразу уйти в финал, вместо того чтобы расследовать начало».

Где же начало начала? С какого прыгать трамплина? Где его искать?

И вдруг, в поселившейся в моей комнате вязкой темной ночи высветилось лицо прохожего, встретившегося мне утром, когда я шел на работу в институт по проспекту и стонал от боли в сердце. Мы миновали друг друга в одно мгновение. И только на одну секунду прошли друг по другу взглядами. Сейчас, в своей комнате, я вновь ощутил электричество его взгляда, как вспышку короткого замыкания. Его лицо мелькнуло белизной, полученной от молнии моего узнавания. Я мимоходом отметил про себя, что где-то сталкивался с этим высоким блондином с льняными волосами и голубым взглядом.

Я ничего о нем не вспомнил. Чужак. Значит была какая-то случайная встреча. И следующая – сегодня утром. И теперь – этот мираж. Так я и не уснул. Без каких-либо прозрений, о себе, о нем. И вот, мне стало опять больно. Сердце сжималось и разжималось, с трудом преодолевая возникшую нагрузку тайной. Это как если хочешь пойти в туалет, а ничего

не получается. Мучительно.

Я поднялся на локте, повздыхал, спросил вслух: «Кто ты?» и начал тонуть в тине сонливости. Сердце ныло. Я вытянулся в полный рост, попытался расслабиться.

Кто-то коснулся моей руки, лежащей вдоль тела. Я открыл глаза и увидел моего блондина. Я испугался. Что за бандитские манеры проникать в чужое жилье среди ночи? Оружие я никогда не носил. Телефон оказался вне досягаемости.

«Так кто же ты?» повторил я свой вопрос.

«Вообще-то ты прав, я бандит». Он присел на мою софу, взял мою руку целиком, щупая пульс. В соседней комнате заворчалась мисс М. Всклипнула на шкапу Невели. «Но я и врач неплохой. Скорее был. А мимо вас вот прошел на улице и не мог удержаться. Почувствовал вашу боль. Помочь захотелось. Вам в больницу надо. Таблеточки поглотать и отлежаться. Моя машина неподалеку. Отвезу и расстанемся, если вы меня боитесь».

Я сказал, поясняя: «Я ведь вас не знаю».

Он пожал плечами. «Я вас тоже. Однако заявился, как вы говорите, среди ночи, чтобы помочь. А ведь вы – опасный человек, знаете ли. Вот сейчас вы чуть не умираете, а вы можете, и думаете – как бы меня сдать кому надо. Я вас спасаю, а вы мне могилу копаете».

Это было убедительно, и мне было очень плохо. И я сказал: «Больница так больница. Отвезите меня пожалуйста. И... извините меня».

Я с трудом вспоминаю как висел у него на плече, пока он тащил меня к машине и там запаковал в одеяло. Как я стонал в приемном покое, и меня взяли без очереди.

Он не уходил, пока меня не увезли в верхние палаты и сделали мне укол и полное обследование. Я стал «прединфарктником». Мне был назначен курс лечения. Была тоска и боль. С ними я примирился. Я ждал. Никто не приходил из навещающих. Мисс М. проспала мое похищение.

Как-то через неделю, в палату бодренько втерся молодой парень с милицейской выправкой и повадками. Немедленно присел на стул у кровати и вытащил блокнот на кнопочках. «Вы, говорит, такой-то?» Отвечаю «да». Мне пришла в голову испуганная мысль, что я в чем-то перед кем-то виновен и меня ищут власти.

«Вас ищут ваши сотрудники из НИИ. Вы биохимик? Нам позвонили, нас подрядили. Не скучайте. Врачи говорят: идете на поправку. Ваша домохозяйка больше не волнуется и сын в интернате». Я сказал: «Спасибо». Но он не уходил и спросил еще: «А кто вас сюда привез? Говорят, на машине, из тех, которых только бандиты себе позволяют «для понта» – скорость превышать, на красный огонь стартовать. Вы с ними как-то связаны? Колитесь. Колитесь. Вы уже на заметке».

Вошла медсестра и сказала тихо и враждебно: «Человек болен. Попрошу зайти в другой раз». Он подавился следующим вопросом и залопотал: «Ах, проститесь! теперь еще кого-нибудь пришлем, и о выписке нас предупредят. Встретим».

Приятненькая сестричка рассмеялась: «Здорово я его вытурила? А вам просили записочку передать. Никому не говорите, что это я передала. Так просили.». Улыбнулась еще раз и ушла, оставив за собой шлейф запаха от инъекции.

Я никак не мог развернуть листок из блокнота, Ослабели пальцы. И наконец прочел:

«Ты мне нужен, а я тебе. Ни с кем обо мне не разговаривай. Полицейских гони. Найду тебя сам. Тригер».

Снова тайна. Сердце участило ритм. Меня ловят на благодарности. Порвать будет трудно. Кто ты?

* * *

Медленно проходили и ушли две недели. Меня готовили к выписке. На отделении появился еще один милиционер – раскосая маслатая личность. Он медленно расхаживал по коридору, заглядывая через открытые двери в палаты. Читал фамилии пациентов и номера палат. Я выходил в коридор как раз когда он экзаменовал мою табличку. Прочитав, он подхватил меня под руку и аккуратно повел вдоль этого нашего «бульвара». Я почуял в его движениях специальную

тренировку. А может показалось.

«Как вы?» спросил он меня. «Вам, говорят, досталось». Но боль стерла из памяти происходившее и я неопределенно кивнул головой.

Меня стало подташнивать, пришло легкое головокружение. Вместо того, чтобы оттолкнуться, я в него вцепился, боясь упасть. «Отведите меня в палату», попросил я.

«Ну конечно, конечно. Вам же надо лежать», он искренне забеспокоился. В палате он помог мне улечься и прикрыл меня покрывалом. Он хотел устроиться на стуле, но я, страдальческим голосом, сказал, что буду спать. Так мне удалось его выжить. Он даже дверь прикрыл и я оказался отрезанным от шума госпиталя. Тогда, одно за другим, я начал восстанавливать в себе все, что не сгорело в пламени болевого стресса. Постепенно во мне поднялось чувство дичи, преследуемой на тропе охоты. Мелкими иголочками начало колоть спину. Был ли это страх? Той самой, надвигающейся грозы, предсказанной куклой Невели.

Мисс М. меня не посетила. Наверно обрадовалась, что я исчез. Значит, с сынулей все в порядке. Уж она бы молчать не стала, сваливая на меня все погрешности блудного отца.

Прошла еще одна неделя, и я, повеселевший, расставшийся с болью, стоял у выхода из отделения скорой помощи, потерянно озираясь. Кто первым придет меня забирать? То, что кто-нибудь объявится, я не сомневался. И не ошибся. Кто-то легонько тронул меня за локоть, подойдя со спины. Я

обернулся. «Кого-нибудь ждете?» спросил меня наш косой и маслатый.

«Нет», сказал я. «Просто раздумываю как быстрее добраться до дому».

«А очень просто», заулыбался он. «Меня послали вас забрать на служебной машине. Идите за мной». И пошел быстро вперед к стоянке автомобилей. Я осторожно оглянулся вокруг. Ни малейших признаков слежки. И я покорился неизвестности, начав догонять нашего маслатого.

Проходя мимо следующего ряда машин, я чуть не упал, натолкнувшись на внезапно открывшуюся дверцу шикарного кадиллака черного цвета. Мне сунули в руку клочок бумаги и поспешно стартовали к выезду со стоянки. Я сунул клочок в карман и окончательно догнал своего косого провозжатога.

Это была скромная «Волга», накаленная от солнца. Внутри была баня. У меня защемило сердце. Какое-то время мы подержали дверцы открытыми, снять жару в салоне. Я машинально нащупал записку в кармане. Косой заметил мое движение и спросил, теряя дружелюбие: «Они успели вам что-то передать?» Я понял, что врать бесполезно. Он потребовал, теперь уже окончательно преобразившись в того, кем был на самом деле: «Дайте сюда».

Я нехотя вытащил из кармана брюк записку и передал ему. Он тут же развернул этот, аккуратный листок из блокнота и прочел, сохраняя бесстрастность на лице.

При выезде со стоянки я заметил черный шикарный кадиллак, дожидавшийся нас скромненько под деревьями уходящего к городу шоссе. Нас преследовали. Я молчал. Косой, толи ничего не заметил, то ли решал что делать. Я спросил тихо и вежливо: «Что в записке?» Он мне даже не ответил. Может быть, он слишком глубоко задумался.

Включенный кондиционер немного привел меня в себя: «Куда мы едем?», осторожно я попытался пробиться сквозь его отключенность. Он опять не ответил. Я почувствовал себя пленником.

* * *

Мы въехали на лесную дорогу. Теперь сзади зарычал мощный мотор кадиллака. Как ослабившийся тигр, собравшийся проглотить маленькую, беспомощную «Волгу». Мы попали в вчерашнюю, образовавшуюся после дождя лужу и забуксовали.

«Беги!» заорал мой косой и нажал кнопку, открывавшую мою дверцу. Я попробовал дрожащими руками замок. Он оставался в закрытом положении. Нажал плечом, ничего не получилось, только от боли схватило горло. Я махнул рукой и смирился. В лесу посвистывали пули – охотились на косого.

К моей дверце скользнула тень. Со своего сидения я увидел чей-то накаченный пресс и выше – рубашку спортивно-

го стиля. Дверца распахнулась и я увидел моего блондина, нагнувшегося ко мне снаружи, и начал с трудом вылезать из тесного салона. Мне было плохо. Он это понял и прижал меня к себе, чтобы я не упал.

Выстрелы замолкли. Неизвестные мне люди – бандиты? – подтягивались к машине. Мой голубоглазый покровитель уложил меня на холмик под березой, подстелив мне куртку, оставшись в легкой по-летнему одежде.

Я почувствовал, что хочу спать. Боль ушла, или я о ней забыл. Столько всякого происходило, шокируя меня каждое мгновение.

«Как вас зовут?» – спросил я, надеясь на имя.

«Так и зовите, как в моей первой записке: Тригер». Он добавил еще: «Так меня все свои называют. Вам полегче?»

«Скажите пожалуйста, зачем я вам нужен?» спросил я вместо ответа.

«Это разговор серьезный, а нам здесь оставаться нельзя». Он отошел от меня и свистнул как соловей-разбойник. И проорал: «Всем в машину!» Косого нигде не было видно. «Пристрелили» со страхом подумал я.

Нас оказалось восемь в кадиллаке. Я рядом с голубоглазым Тригером. Меня опять клонило ко сну, не смотря на то, что кондиционер исправно прочищал и охлаждал воздух. Незаметно я уснул. Проснулся от голоса усталого Тригера: «Сколько мы будем кружить?» спросил он водителя. «Дай след запутать» ответил грузный водила тоже раздраженно.

Когда я проснулся в следующий раз, машина стояла, припаркованная, у двухэтажного деревянного коттеджа. Лес кругом. Подошел Тригер, помог мне выйти из машины. Закружилась голова, и я вынужден был схватиться за его руку у локтя. Подошел еще один великан, и вместе они отвели меня в гостиную первого этажа. Все уже собрались у большого деревянного стола, накрытого для группы людей в восемь человек.

«В багрянец солнце нарядило облака...» подумал я с грустью о свободе, глянув в окно. Я уже понял, что больше собой не располагаю.

Это была мужская компания, но кругом все блистало чистотой. Здесь чувствовалась чья-то женская рука. И появилась женщина. Славяночка. Вся беленькая. Небольшого роста. Поставила на стол блюдо с холодными закусками, улыбнулась всем, сказала как никому «Горячее чуть позднее», и убежала в глубь дома.

Все эти верзилы потянули руки за бутербродами с ростбифом и тюркой. Я понял, что голоден и, как жаждущий всасывается в ковш с водой, вонзился зубами в бутерброд. Кто-то наполнил мой стакан водкой, как и остальным. Я хотел только отхлебнуть глоток, но он, придерживая мой стакан у моего рта, почти что влил в меня часть содержимого. После чего я чуть не соскользнул со стула, и осознал, что меня куда-то ведут и укладывают на диван, и больше я ничего не помнил.

Утром я проснулся оттого, что кто-то, сидящий на краю моего дивана, похлопывал меня по руке, лежащей на моей груди. Я открыл глаза и увидел Тригера.

Я спросил первое, что просочилось сквозь окружившую меня тревогу: «Где я?» Он сказал: «Какая разница? Разве вам с нами плохо?» Я сказал: «Хочу знать кто вы». Он улыбнулся и процедил буднично: «Бандиты. Обыкновенные бандиты. Но нас объединяет одна особенность: мы все обладаем так называемым ESP.»

Я удивился: «А причём здесь я?»

«Вы были рекомендованы», ответил он кратко. И видя, что я не понимаю, добавил: «Ведь вы имеете отношение к церкви спиритуалистов, не так ли? И имеете репутацию уникального сайкика. Нам такие нужны».

«Для чего?» спросил я, начиная включаться в беседу. Теперь она имела смысл. Я действительно принадлежал к посетителям этой церкви. И был тренированным сайкиком. Но какое это имело отношение к бандитской шайке?

И тут я услышал в голове послание: «Отрекись от Бога и иди к нам». Я сказал Тригеру вслух: «Я верующий, я не пойду против законов христианства».

Он сделал мне знак, требующий молчания, приложив палец к губам. Я повторил фразу, уже не произнося ее. И услы-

шал в себе: «Мы тебя от твоего Бога отберем, вот увидишь».

Я не поверил. Бога я считал сильнее маленькой, а может, большой кучки бандитов.

Он сказал: «На сегодня все. Подумай». И ушел. А мне принесли завтрак – гренки с молоком. Все та же девчушка, которая вчера накрывала стол. Она сказала: «Меня зовут Марьяна. Мне сказали, что вы здесь побудете. Обращайтесь если что». Я представился: «Алексей. Будем знакомы».

Выпив молоко и похрустев гренками, я поднялся с дивана и осмотрелся. Помещение оказалось верандой на первом этаже. Стены были застеклены, начиная с двух метров от пола. Мы были в хвойном лесу, как я заключил, глядя через стекло с трех сторон. Я дернул ручку двери. Она не открылась. Меня держали взаперти.

Я уселся на мягкий стул и уставился на раскачивающиеся деревья за стеклом. Звук ключа, поворачивающегося в замочной скважине, и вернулся Тригер. Спросил: «Как самочувствие? Полегчало после завтрака?» Я пожал плечами: «Нормально. Расскажите еще о себе». Он сказал: «Сейчас мы с вами кое-чем займемся. Постепенно вы все поймете».

Я услышал в себе: «Занятие первое». Тригер опустил все шторы на окнах и вошла темнота. Я лежал на своем диване, он устроился на стуле рядом с моим изголовьем. Он слегка поднял руки, направив ладони на мое лицо. Темнота озарилась серебряным свечением.

Я почувствовал легкое головокружение. С открытыми

глазами я наблюдал за собственным облучением. Я закрыл глаза и появилась картинка: в большом сияющем овале, по пояс была фигура человека в царской короне и мантии. Это был я.

Я излучал свет. Медальон сиял в мраке веранды. Голос во мне сказал: «Коронованные». Я отключился в беспмятство, и не приходил в себя до вечера. Проснулся в тихом блаженстве. Шторы были подняты, свет шел от звезд за окном. Мне принесли ужин – Марьяна. Поставила на стул поднос с едой и немедленно убежала. Я насытился куриным бульоном и бутербродом и снова отключился. Мне снились цветные сны. Вот появился мой мальчик. Он сказал: «Папа, это плохие люди».

* * *

Триггер появился во второй половине следующего дня. Я спросил его: «Что все это значит?» Он сказал: «Вы о чем? Вы отдыхаете после госпиталя. Расслабляетесь. Что вам не нравится?»

Я спросил: «А как же король?» Он развел руки: «Какой король? Вам что-нибудь мерещится? Так это от переутомления. Закройте глаза. Я помогу вам поглубже расслабиться». И пошел задергивать шторы. Я растерялся. Меня разыгрывают, или я брежу? Я – пленник у бандитов, обладающих силой гипноза? Что они со мной делают?

Я утомленно закрыл глаза. Нет, нельзя отключаться. Надо видеть что происходит. Было опять темно на веранде. И опять появился серебряный овал. На этот раз по ободку овала изнутри плыл череп. Белый оскалившийся череп.

Голос в моей голове сказал: «А теперь они начнут тебя убивать, господин король». Сердце мое сжалось. Этот голос напомнил мне зловещую куклу Невели. Мне стало не хватать воздуха. Скоро я отключился. Погрузился в небытие и в ночь. Видение исчезло, обморок перешел в сон. До утра. А утром шторы были уже открыты. Я ждал Марьяну. Хотелось есть. Она появилась с омлетом на тарелочке и стаканом молока. Я хотел ее порасспрашивать, но она сказала нежное: ш-ш-ш и улетучилась. Мираж моего затворничества. Значит, король умер? Его убили. Голос Невели сказал: «Теперь ты будешь медленно умирать».

Вошел Тригер. «Ну как?» – спрашивает. «Наш пациент? Что-нибудь еще мерещится? Плохо вас в больнице лечили».

Я молчал. Я понял: что бы я ни сказал – все обернется против меня. Им надо зацепиться. Все повторилось: темнота, свечение из рук Тригера, блистающий овал. На сей раз черепов, плывущих вниз по обручу, было два. Один детский. Яркость их умахалась, бледнела. Я терял силу, пришла слабость.

Каждый день приходил Тригер и подвергал меня одной и той же процедуре. Количество черепов в овале увеличивалось и меркло. Они становились меньше в размере и больше по количеству. Голос сказал: «это все – твои жертвы» Я опешил: «Как такое может быть?» Голос сказал «Мы из тебя убийцу слепим. Будешь бандит номер один. Как тебе такое понравится? Мы мастера своего дела. Смотри, не артачься. Накажем – не обрадуешься». Кто бы это мог быть? Неизвестный шеф мастеров-бандитов.

Я решил попробовать. В следующий раз как появился Тригер и сделал затемнение, и по зеркалу поползли черепа, я закрыл глаза и вызвал Свет, белым молоком залило экран и растворило все его содержимое.

Тригер охнул и забегал по веранде, произнося какие-то заклинания. Экран заволкло темной вуалью и, что хуже всего, заволкло темнотой мой мозг. Я погрузился в тьму и не просыпался двое суток. Когда я проснулся, из правого глаза моего выскочил черный заряд и ударил в подготовившегося встретить его Тригера. Это был мой первый выстрел. Только я этого не понял. И вскрикнул от неожиданности и испуга: "Jesus Christ".

Тригер нахмурился и сказал: «А вот этого нам не надо». И послал мне мессидж: «Сейчас ты будешь наказан». Меня

атаковало несметное множество черепов. Они заполнили вокруг меня все пространство, барабанили челюстями и хохотали. Я понял, что меня тащат в преисподнюю. Меня тошнило, болело сердце, и я отключился, задыхаясь.

Иногда, как сквозь сон, я слышал реплики: «Сделаем укол... Так нельзя... Ты его перегрузил». По телу расплзлась теплота. Вероятно от укола.

Я проснулся от встречной инъекции. Меня вернули из забытья. Мираж исчез, вокруг красовалось утро и, как ни странно, я чувствовал себя в норме. Вокруг меня стояло трое. С них можно было рисовать бандитов. Триггер в середине. Пощупал мой пульс, сказал: «Блестяще. Как новенький. Мы отправляем тебя в отпуск, на отдых. Будешь путешествовать. К тебе прикреплен проводник, вернее, прикреплена. Тебе повезло, очаровательная женщина». Он приоткрыл дверь и впустил это чудо семитской внешности. «Изабелла», так ее представил Триггер и добавил пока она подходила к моему ложу: «Не стесняйся. Это сотрудница. Она будет тебя сопровождать, не расставаясь. За тобой нужен глаз да глаз».

Она подошла и коснулась руки меня, лежащего: «Изабелла», повторила она свое имя. Конечно я сказал, что очень приятно. А что еще мне оставалось сказать.

«Мы поедем далеко», – сказала она. – «В Израиль. На святую землю. Завтра. Там вас ждет комфорт и развлечения».

Я сказал: «Не поеду ни в какой Израиль. Мне там нечего делать. И надсмотрщики мне не нужны, не в обиду вам, ми-

леди, будь сказано».

«От вас мне не обидно», съязвила она. Голос у нее был привыкшим командовать. «Эсэсовка», окрестил я ее для себя.

«Опять не то», возмутился Тригер. И запустил в меня черной звездочкой. Мне ударило в правый глаз. Я решил, что в этот глаз просто что-то попало, но мой мозг возмутился и проорал внутри меня: «Подонок». На что Тригер послал мне в ответ: «Никуда не денешься. Сопротивление безнадежно. Пока прощаю. Отдыхай». Вслух он сказал: «Летите завтра с утра с Изабеллой. Сегодня свободен».

* * *

Мы двигались вверх по сектору А нью-йоркского аэропорта. Вчерашний гнев прошел. Я понял, что попал в серьезную и длинную историю. Страх не было. Было подчинение безнадежности. Я еще не знал чего мне бояться. Если меня убьют, то не сейчас. Может какое-нибудь чудо успеет меня спасти. Надо внимательно следить за происходящим. В неизвестности где-то может оказаться лазейка.

Красотка Изабелла вела меня как опытный гид. Ее жесткая красота и невозмутимость меня не раздражали. Сколько людей она угробила? Ей доверившихся от безвыходности.

Мой фальшивый паспорт вместе с билетами находился в

ее сумочке. Бандиты меня проверили. Я был невинным агнцем, ведомым на заклание. И я был влюблен в Изабеллу. Беспричинно и со страхом. Ее магнетизм тянул меня к себе, заглушая чувство опасности. Она несла мне смерть. Я мог только молиться о чудесном спасении. Я превратился в фаталиста. Мне больше ничего не оставалось делать. Внутри меня звучала молитва, к которой я однажды придумал мелодию. Она приходила ко мне в нужный момент и осуществляла мое спасение. Я сказал, описав ситуацию: «Выручи меня и на этот раз». Ответом была тишина. Я не знал в чем ее значение. Я слепо надеялся: в этой женщине, за ее жесткой красотой таилось что-то человеческое. Я сделал на это ставку. Безумец как я почуял свой шанс. Я еще не знал, что она слышит каждую мою мысль. И посмотрела на меня, оценивая бездну моего безрассудства, или, разговаривая ее категориями, моей глупости.

* * *

По салону израильского самолета Эль Аль бегали муравьишками брюхатенькие евреи в черных ярмолках, шумно общаясь как у себя дома. Изабелла шла королевой между рядами, кивая всем, кто застревал взглядом на ее незаурядной внешности. На меня поглядывали с подозрением как на чужака-гостя. «Спокойно», поддержала меня Изабелла, «ты со мной». Так мы перешли на «ты».

Наши места находились в последнем ряду, у прохода. Пробираясь туда, я слышал враждебное ворчание мне в спину. «Не обращай внимания», сказала Изабелла негромко, чтобы не услышали. Когда мы уселись, я почувствовал облегчение. «От этих фанатов всего можно ожидать», она покровительственно погладила меня по руке, которой я ухватился за кресло, ища для себя покой и опору. «Теперь дремли», сказала она, «сейчас взлет, а потом начнут кормить». Я так и сделал, но мне все время казалось, что обо мне возмущенно делятся негативизмом в репликах.

После еды цепочка евреев потянулась за наш последний ряд на молитву. Один положил молитвенник мне на голову и, в конце молитвы, прихлопнул ладонью. Я вскочил от неожиданности и ушел вперед салона на свободные места. Изабелла, в растерянности, пришла за мной. «Они сегодня в ударе. Совсем молодые мальчишки», сказала она, «хулиганят. Здесь они безнаказанны. Переждем». И спросила у стюардессы можем ли мы оставаться на своих новых местах. Нам разрешили, и мы проспали ночь спокойно.

Когда объявили по радио «Тель-Авив» и приветствие со Святой Земли, хор в салоне взорвался дружной торжествующей Хава-Нагилой. Я подумал: «Трогательно». И впервые услышал в голове голос Изабеллы: «Не правда ли?» Я вздрогнул от неожиданности и повернул к ней голову. Она сидела в своем кресле совершенно отчужденно. Я спросил: «Ты что-то сказала?» Она ответила: «Тебе показалось. Сиди

спокойно. Пускай они все выйдут».

На площадке для встречи прилетающих нас встретили двое: Он и она. Высокие, приятные, загорелые, среднего возраста. Смуглые брюнеты. Изабелла меня представила. Пожали руки. Они взяли наши вещи. Небольшая очередь на такси. Она – Эллочка. Он – Виктор. Поговорили о погоде. Общались на русском, у них – с акцентом от Идиша. Видимо эмигранты, прижившиеся в Израиле. Ждали такси в очереди. Пока ехали, мне объяснили, что жара в Тель-Авиве значительно злее, чем в Иерусалиме, поскольку Тель-Авив – в котловане, где скапливается влага. Иерусалим значительно выше. Там легче дышать. И после перекуса и отдыха на квартире Виктора мы поедem в Ершалаим на шеруте. Эллочка участвовала в обмене любезностями бессменной улыбкой. Чему она так хитренько улыбалась – было непонятно.

Когда мы вошли в прокуренную квартиру Виктора, я обомлел от удивления и потом от нахлынувшего ужаса. Она выглядела явно после грандиозной и длительной пьянки. С потолка нависал сигаретный дым. На столе – популяция пустых и недопитых бутылок из-под водки и, очевидно к нашему приезду, шампанского. Разбросанные по голому столу недоеденные банки консервов и бутерброды – трудно определить с чем. Мне, не пьющему и некурящему опять стало дурно. «Извиняемся», сказал Виктор, «холодильник работает с перебоями. Так что есть будем в основном консервы. Ну, жены, убирайте квартиру. Главное – стол».

От слова «жены» меня покорило. Я начинал подозревать, что попал в бардак. Сердце стучало быстро и тревожно. Я спросил: «Нельзя ли принять душ?» Я подумал, что холодная вода не допустит обморока.

Кондиционер с шумом и нехотя перегонял теплый воздух.

В ванной комнате не было замка. Я понадеялся, что все осведомлены о моей просьбе занять душевую и никто не ворвется неожиданно. Виктор даже снабдил меня чистым полотенцем. На вешалке висело еще одно, с пятнами.

Спасительный холодный душ – вот что мне было нужно. Я пустил воду и закрыл глаза, стараясь расслабиться. Стало легче. Не знаю сколько я так стоял, но вдруг без стука открылась дверь и, опять загадочно улыбаясь, вошла Эллочка. Вошла и остановилась у двери, бессовестно меня разглядывая. Я потерял способность к речи. Стоял, онемело, глядя на нее. Так мы постояли, и она, хихикнув в кулачок, ретировалась.

Я понял, что мне придется многое принять без вопросов и смириться, ибо деваться мне некуда. Опять пришло ощущение безвыходности, с которым я покидал Нью-Йорк.

Компания сидела за столом с новыми бутылками и открытыми консервами щуки, паштетов и прочего. Разлили шампанское и добавили туда водки. Внутренне я опять пришел в ужас. Я понял, что сейчас, после стольких лет трезвости, напьюсь. Изабелла занимала место против меня и не обращала на меня, казалось, никакого внимания. Рядом сидела Эллочка и лениво гладила меня по бицепсу. Виктор обнял

за плечи Изабеллу и провозгласил тост за наш приезд.

Впервые за много лет я ощутил блаженство от ожога алкоголем в теле. Эллочка запищала, вцепившись мне в ладонь: «На брудершафт, на брудершафт. Следующий все пьют на брудершафт». Виктор, не церемонясь, схватил в охапку Изабеллу, сжав ей грудь большой лапой, и впился в губы.

Иголкой кольнуло в сердце, но в меня впилась Эллочка, повиснув на моей шее. Я сжал губы, чтобы поскорее отделаться, но ей удалось меня порядком облизать. Потолок завертелся перед глазами. Я почувствовал опасность упасть. Я бросил на Изабеллу взгляд, умоляющий о пощаде. Она поднялась и вывела меня в спальню. Там уложила меня на постель, помогая раздеться. Я хотел ее что-то спросить, относительно того, что это за подвал человечества. И когда же мы уедем и Иерусалим. Но отключился. А когда пришел в себя, на мне уже уместилась Эллочка и в полном смысле меня насильовала.

Что хуже всего, в открытых дверях стоял Виктор и наблюдал с усмешкой. Ему это доставляло удовольствие. В голове у меня играла маршевая музыка и разговаривали голоса. Я сбросил с себя Эллочку и вскочил с дивана. «Как вы смеете?» завопил я с вызовом.

«Что смеем?» уже не улыбаясь спросил Виктор.

«Подбрасывать мне эту куклу».

«Она не кукла», пожал он плечами. «Она теперь ваша жена».

«Жена?!» продолжал я вопить, лопаясь от возмущения.
«А как же Изабелла? Под кем она?»

«Изабелла жена Виктора» вмешалась Эллочка, подымаясь с пола.

«И ваша наставница», добавил Виктор. «И пожалуйста оставьте Изабеллу в покое. Она выполняла задание».

«Какое еще задание?» Я вопил, не понимая происходящего.

«Для первого раза вы задаете слишком много вопросов», холодно процедил он. «Завтра мы едем в Иерусалим. Будете жить там. И пожалуйста, начните подчиняться. У вас есть талант, который нам нужен. Если все пройдет удачно, вас продадут. Вы будете стоять миллион долларов. Одевайтесь. Вам не причинят вреда. Вы слишком дорого стоите».

Он ушел. Испарился. Эллочка сидела на полу и таинственно улыбалась. «Нас ждет большое будущее», сказала она, погладив мою ладонь. «Ты и я – отличная пара. Вот увидишь».

«Все, что я знаю, это что ты мне ненавистна, и я не хочу тебя видеть.», сказал я с отвращением.

«За грубость тебя накажут», уверенно отрезала она и вышла из комнаты, натянув халат.

Я остался один в этой спальне. Никто меня не беспокоил до ночи. Я делал вид, что сплю, устав с дороги. И действительно заснул. Мне снилось что-то очень тревожное. Меня обволокло каким-то влажным темным туманом. Завеса от белого света. Этот туман состоял из роя облаков. Одни на-

плывали на меня и таяли, другие приходили на их место.

Голоса шептали: «А ты будешь...» и останавливались, как будто ожидая от меня закончить фразу. И я неожиданно для себя закончил: «...любить сынулю».

«Кого еще?» спрашивали они. «Бога», отвечал я против воли.

Что-то во мне с ними коммуницировало. И я не мог остановить это что-то.

«Допрос», шипели они. Я пробовал молчать. Но это что-то, мне неизвестное, давило на меня изнутри и выпихивало из меня слова.

«На-ка-за-ние», шептали они, но и это мне ничего не объясняло.

Утром вошла Эллочка, впорхнув бабочкой. «Как спал, милый? Она присела ко мне на постель и собиралась меня облапить. Я толкнул ее в ненависти. Она упала на пол и пристально на меня смотрела: «Это пройдет», сказала она и вышла вон.

Через какое-то время в доме наступила тишина, после хлопков парадной двери.

Я ждал что будет. Довольно долго ждал. Я думал: про меня забыли. И в конце концов решил выяснить где все. Я оделся и пошел в гостиную. Все тот же угар сигаретного дыма, бутылки повсюду, за столом сидела Изабелла.

«А где все?» спросил я.

«Уехали в Ершалаим», ответила она, на меня не глядя.

«А что они решили обо мне?» спросил я.

«Ты свободен идти на все четыре стороны».

Я сказал: «Я хочу вернуться в Нью-Йорк».

«Вернись», она пожала плечами.

«Ты же знаешь, что у меня нет денег», сказал я.

«У меня тоже», сказала она.

«На что же они рассчитывают?»

«На твое благоразумие», ответила она.

«В чем это заключается?» спросил я.

«Женись на Эллочке. У нее есть деньги. Поедете вместе в Нью-Йорк. Она спит и видит американского жениха».

Я завопил: «Я не люблю Эллочку. Я люблю тебя... Я предлагаю тебе побег».

Она уставилась на меня и какое-то время меня изучала: «Что ты еще мне предложишь? Сам сказал, что у тебя ничего нет».

Она еще подумала и сказала: «Сдайся. Может быть что-нибудь у нас и получится. На тебе большая цена».

Я сказал: «Мне все равно какая. Я не раб».

«Ты уже ходишь в рабах. Только ты этого не знаешь. А я – твой инструктор. Я знаю».

Я подошел к ней близко. «Ты не такая как они. Ты не окончательно потеряна. Давай мы с ними поборемся».

«Упаси тебя господи». Она смотрела мне в глаза и мне становилось страшно. «Ведь они – бандиты».

Только теперь я понял, что заперт в безвыходную ситу-

ацию. И моя внезапная влюбленность оказалась замужней женщиной, и мне рядом с ней нет места.

Я взял начатую бутылку, не взглянув чего именно, решительно налил себе в стакан, и сказал тост: «Ты не можешь меня любить, но ты можешь меня убить. Убей меня, Изабелла, женщина с неправдоподобно красивым именем. Ведь вам, бандитам, это ничего не стоит».

Изабелла подняла свой недопитый стакан и сказала: «Очухаешься, ничего. Сейчас ты на коленках, вслед за мной, поползешь в Ершалаим, там видно будет что с тобой сделают».

Мне стало невыносимо больно от такого безразличия. Я взял ее висевшую на спинке стула сумку, открыл молнию и нашел то, что искал – оружие. Мини-пистолет. Я даже не заинтересовался маркой. Она сказала, за одну минуту осипшим голосом: «Положи оружие. Или ты не знаешь, что оно иногда стреляет?»

«И сколько же раз ты его употребила, Изабелла?» спросил я тихо.

«Не твое дело. Ты во всяком случае в безопасности. Пока. А если Виктор узнает, что ты направил на меня пистолет, тогда уж тебе точно не жить».

Я протянул ей пистолет и сказал: «Стреляй».

Она взяла пистолет, направила его на меня и нажала курок. Был щелчок и ничего больше. У меня отчаянно заболело сердце. Изабелла вертела в руках пистолет: «Какая неуда-

ча», ехидно сказала она. «Он оказывается не заряжен. Ну как? Тебе еще все хочется умереть?»

Только что переживший момент смерти, начинает ценить жизнь. Теперь уже я сказал сипло: «Едем в Ершалаим».

Она сказала: «Не раньше пяти вечера. Когда жара спадет. На столе алкоголя залейся. Давай пить. Я организую закусь».

Она сходила на кухню и притащила разнообразие консервных банок. Мы пили из бутылок и ели из банок за неимением чистой посуды.

Я объяснялся ей в любви. Я хотел запомнить эти часы нашего уединения. Впереди был мрак.

Она сказала: «Только не пытайся меня использовать для информации. Я тебя сюда не приглашала. Мы ждем Тригера. И о нем я тебе тоже рассказывать не буду. Я тебя с ним не знакомила.»

Я спросил: «Кто я для тебя?»

Она, не улыбаясь и не ехидничая, спалила меня взглядом чернейших глаз и выдохнула одно только слово: «Раб».

Я не поверил, что она это серьезно. И ответил: «Не могу. Не те гены».

Ах, как она красиво расхохоталась. «Ладно, считай, что я шучу, если тебе так будет легче. Утешаться будешь с Эллочкой. Она предназначена тебе в жены». И съязвила: «Вы кажется уже познакомились поближе». И опять расхохоталась.

Мы оба уже прилично набрались. Я взял невымытый стакан, наполнил его и выплеснул ей в лицо.

Я перепугался того, что сделал. Вид у нее был жалкий. С расползающимся макияжем и обвисшими на лицо мокрыми прядями.

Она схватилась за пистолет, но передумала. Убить человека в центре Тель-Авива, среди бела дня – это чревато.

Она сказала: «Браво. Ты проявляешься. И быстрее чем я думала». И ушла в ванную комнату, приводить себя в порядок.

Из сказанного я ничего не понял. Но испытал облегчение, решив что пронесло.

Оставшееся до пяти время мы дремали на диване, на приличном расстоянии друг от друга. Я закрыл глаза. Мне мерещился кошмар. На меня из какой-то центральной точки под потолком конусообразно падали черепа. Каждый из них нацеливался мне в лицо, грозя впиться в меня приоткрытыми челюстями. Почти достигнув моего лица, они исчезали. Растворялись в воздухе. Мне казалось, что я чувствую смрад из их открытых челюстей.

Я открыл глаза. Изабелла лежала, как если бы спала, с ровным дыханием. Я позвал: «Изабелла... Изабелла... я брежу» Она повернулась ко мне спиной, пробормотав: «Пить надо меньше».

Я старался больше не закрывать глаза. А в пять часов она поднялась и сказала: «Поехали».

Я застегнул обысканный чемодан, а Изабелла взяла только сумку.

Изабелла объяснила, что нужно взять шерут – автомобиль на четырех пассажиров и водителя, курсирующий между городами. Стоянка была возле рынка.

Потная толчея на рынке и вокруг раздражала. Я боялся потерять Изабеллу, и ей пришлось взять меня, как мальчика, за ручку.

У стоянки шерутов Изабелла выясняла какой из них идет в Иерусалим. Подошедший к нам шофер предложил садиться в машину. Там уже сидел старик в черной шляпе, с длинной седой бородой. Он что-то залопотал на Идише. Изабелла ответила, убеждая его в чем-то. Мне она объяснила, что для них я – ее муж. Иначе старик, как ортодоксальный еврей, не может сидеть с ней рядом. Я кивнул старику, что, мол, все в порядке.

Шофер привел еще одного пассажира, чтобы получилось на четверых и мы поехали. Осторожно пробираясь в толпе, пока не оказались на прямом шоссе до Иерусалима. Открытые окна шерута не спасали от жары. По непонятной для нас причине шофер не включил кондиционер. Изабелла высунула голову в окошко, чтобы ее обдувало ветром, и ее волосы развивались как черный роджер. Старик бормотал молитвы.

Дорога пошла наверх между отвесных гранитных скал серо-стального цвета и скудной растительностью, пробиваю-

щуюся из трещин между глыбами. Солнце поджигало кварцевые вкрапления в камнях и скалы лучились. И картинка была фантастическая.

Изабелла усмехнулась, заметив мой телячий восторг: «Наслаждайся, дорогой. Не долго осталось». И сбросила меня этим опять в состояние растерянности и страха перед тем, что мне предстояло. Краски для меня поблекли. Я потерял способность им радоваться. Изабелла подхлестнула: «Скоро придет Тригер и за тебя возьмутся». Я замкнулся в своем страхе. Спрятав его в себя поглубже. Не надо выдавать свою слабинку.

В Иерусалим мы приехали к вечеру. Солнце уходило, ослабляя это пекло. «Грехов Ганурит», назвала Изабелла адрес для шофера. С полчаса мы покрутились между улицами и улочками. Изабелла расплатилась. И шофер уехал с бормочущим молитвы стариком и еще с кем-то, кто молчал всю дорогу.

Лифта в этом блочном доме не было. Я волочил свой чемодан – подарок Тригера, а Изабелла свою сумку на пятый последний этаж. Вход с лестницы был прямо в гостиную. Она оказалась сонным царством. На диване у окна спал Тригер. У меня сразу кольнуло в сердце – мрачное осознание опасности. Сработало и саркастическое предупреждение Изабеллы.

На полу, на пляжном полотенце, раскинул конечности бородач с нечесаной гривой темных волос. От его храпа жалобно позванивали стаканы на столе с пустыми и полупустыми

бутылками, начатыми бутербродами и неизменными консервами.

«Это господин Дверной», представила тело Изабелла. Главный палач и серый кардинал. Не вздумай с ним повздорить.

Я поставил чемодан на стул и взгляделся в еще два живых трупа на полотенцах на полу.

«Это Левушка, бывший боец Цахала, фронтовик-танкист. Один удар – и кость у тебя переломана. По совместительству алкоголик. С ним не пей. Изувечит. А рядышком – придворный поэт по кличке Архангел. Автор бандитской поэмы «Иерусалимский карнавал». Всех нас туда включил. Язык острый и глаз точный. Ребята ворчат на его поэтические зарисовки. Кое-кто грозит посчитаться, но за ним герой Левушка. И Тригер не против. В общем, как выразился Архангел в своем «Карнавале» – «земля святая, жители не очень».

Четверка зашевелилась, просыпаясь от наших голосов.

Изабелла проводила меня в комнатку с небольшим диваном, на котором мог спать один с половиной человек. Там было закрытое в этой духоте окно высоко на стенке, журнальный столик у дивана с записной книжкой и огромной пишущей машинкой и шкаф с книгами и пустыми вешалками. Изабелла принесла мне мой чемодан. Сказала: «Поспи пока они не очухаются от жары и водки. Эллочка придет позже. Я пойду в другую комнатушку. Там есть матрас на полу, на нем спит Виктор. Попробую уснуть тоже. Бай».

Она ушла, а я открыл чемодан и вынул полотенце и чистую рубашку. Две эти маленькие комнатки были напротив друг друга, и между ними туалет с душем. Я принял холодный душ, переоделся и улегся на диван.

Сразу нахлынула темнота перед глазами. С вспыхивающими и гаснущими серебряными звездами. По телу прошел озноб. Голос в моей голове, откуда-то взявшийся, произнес: «Игра-угадай-ка. Сколько жить осталось?» Я испытал непреодолимое желание немедленно ответить. Я сказал: «Пошел вон. Откуда я знаю?»

Голос сказал бесстрастно: «Будет наказание». И исчез. Я ухнул, как с высоты, в темень сна.

* * *

Я спал беспокойно. Нашептывали в уши голоса: «Ты с на-а-ми», «Ты теперь с на-а-ми». «Ты наш». Я отбивался: я твердил: «Нет». «Нет и нет». «Никогда». Они говорили: «Уви-и-дишь-ш».

И между собой: «Держится».

И снова перед глазами ночь и бездушные звезды.

Я проспал до позднего вечера.

Когда я проснулся, то услышал неясные голоса в гостиной. И звяканье стаканов о бутылки.

Прислушавшись, я уловил, что разговор идет обо мне. Женские голоса встречали к неудовольствию мужчин. Среди

них была ненавистная Эллочка. Она пищала: «Он ни на что не способен. Безвольный как воск. Из него ничего не получится. Я его не хочу».

Голос Тригера: «Мадам, вас не спрашивают чего вы хотите. Вам все равно с кем спать, кого ублажать. Ваша задача держать его в счастье и неведении. Командовать парадом буду я – через Изабеллу. И не забывайте про Живатрам. Их надо убедить, что все получится. Это уже моя задача. Они должны нам платить. Мы привезли серьезную добычу. С его способностями мы заработаем миллион. Так что иди – буди его и объяснись ему в любви».

Она скользнула в дверь, в темноту моей комнаты, присела на кровать, оперевшись на руку за моей спиной, так что я ощутил себя как бы в ее объятии, и зашептала страстно: «Все в порядке, милый. Я люблю тебя. Мы будем вместе до самого твоего Нью-Йорка. Ты ведь хочешь вернуться? Мы вернемся вместе. С тобой ничего не случится пока я рядом. Мы поженимся. Мы такая хорошая пара. Сейчас мы вместе уснем и всегда будем спать вместе». И она втиснулась рядом со мной в эту тесную люльку.

Я сказал: «Я не знаю что происходит, но одно точно: я не хочу с тобой спать».

Она сказала: «Я тебе уже все объяснила. А о хамстве забудь. За каждое оскорбление и неповиновение будет наказание».

Я почувствовал резкую нехватку воздуха. Сердце сжалось

как будто его втиснули в кулак. Я был на грани обморока.

«Понял?» съязвила Эллочка. «На первый раз прощается».

Меня отпустило. Мы долго молчали. Эллочка поглаживала мою грудную клетку. «Спи. Спи, усни», нашептывала она. «Тебе ничего не надо знать. Только слушаться».

В полной безысходности я отключился.

* * *

Утром луч солнца попал мне в глаз и я проснулся. Попытался все вспомнить и содрогнулся от отвращения. На мне была эллочкина слюна. Она меня лобызала ночью. В комнате ее не было.

Я встал. Натянул одежду на голое тело и вышел в коридор. Дверь комнатки напротив была закрыта. Я прошел на кухню. Здесь была Эллочка. На столе стояли две тарелки с омлетом и две чашки с кофе. Эллочка сияла. Я был в ее власти. Она хотела меня как мужа. Так она объяснила мне ночью. А я ее ненавидел. Я даже назло ей не причесался в ванной комнате, перед тем как съесть омлет. Ее ничего не смущало. Или она надеялась меня поломать, взяв в плен беззащитного.

И тут я услышал посланную мне мысль: «Не чурайся, неряха. Ты мой муж теперь. Отвечай. Ты меня любишь?»

Случилось невероятное. Голос в моей голове ответил: «Да». Я замер, парализованный страхом. Эллочка бросилась мне на шею: «Я знала. Я знала, что это так будет».

Я не был этим голосом. Откуда он объявился?

Дальше я услышал в голове: «Не торопи его. Спугнешь».

Голос Элочки: «У нас мало времени. Он подчиняется».

Я разозлился и услышал как сказал: «Пошла вон, дура.

Ненавижу».

Элочка погрузнела. Но затем послала мне предупреждение: «За это будет наказание».

«Иди ляг, полежи», сказала она вслух. «Ты еще слаб».

С радостью от нее избавиться, я вернулся в нашу комнату и улегся на диванчик, и закрыл глаза. Я увидел темноту и помаргивавшие звездочки, как на главном экране компьютера. Откуда-то из глубины этого пространства вырисовалась змеиная голова с открытой пастью и начала быстро наплывать на меня в атаке. Яд капал с ее языка. Я испытал чувство страха. Она была так правдоподобна.

Я услышал голос: «Еще немного и она тебя ужалит и задушит. Сдайся?»

Я молчал. Я весь был чувством страха, но упрямо молчал. Элочкин голос сказал: «Как хочешь». Я услышал шипение. Целая стая меньших по размеру янтарных змей появилась вокруг центрального змея, нацелившись на мое лицо. Голос повторил: «Сдайся». Я молчал.

Неожиданно Элочка расхохоталась и сказала во мне: «А ты молодец. Не из пугливых. Ладно. На второй раз прощается».

Змеи испарились вместе с синим фоном и звездочками. Я

остался в свете ворвавшегося в комнату солнечного утра. Я услышал как сказал: «Да будет Свет».

Эллочка посурела: «Мы подумаем что с ним сделать, с твоим светом» и вошла в комнату. «Вставай. Мы идем на прогулку».

Я встал с кружащейся головой. Проходя мимо кухни, я увидел сидящую за столом и поглощающую омлет Изабеллу. От нее шел мессидж: «На первый раз неплохо, кид. Пошли ее подальше». И послала Эллочке: «Не ревнуй. Мы еще посмотрим».

Дверь во вторую комнату была открыта. На полу, на матрасе, валялся Тригер. Главных экзекуторов – Асса и Дверного нигде не было. Значит, я могу передохнуть. Он помахал мне рукой. Я не ответил и услышал в себе: «Хам». Не поздоровался я и с Изабеллой, поскольку она на меня даже и не взглянула.

Выходная дверь была на замке. Эллочка открыла ее своим ключом. Мы покинули бандитское логово и спустившись на первый этаж вышли в пекло улицы.

В парке. Спустившись с холма Грехов Ганнурит, мы погрузились в тишину и прохладу. «Приляжем», игриво пригласила Эллочка. Мы растянулись на траве рядом друг с другом. Кто посмотрит – решит: влюбленная пара. Я закрыл уставшие глаза и оказался в темноте самого себя. Опять плотно синевы и на нем – помаргивающие как игрушки на елке все те же доброжелательные звездочки. Я был спокоен от

безнадежности. «Попал к ним в лапы. Что им надо? Что надо от меня этой сексуальной кукле намазанной?»

Неожиданно я услышал в себе ее голос: «Стать твоей женой, милый». Она положила руку на мою грудную клетку, а голову – мне на плечо. Я поднялся и отодвинулся. Она говорила со мной, как верные собачки с хозяином. И меня впервые не хватило на то, чтобы ее оттолкнуть. Она рассмешила меня своими ночными выкрутасами. Сексуальная атака началась вчера вечером. Я терпел, но все равно отключился в сон с тоски и злости.

Она поцеловала меня в щеку и задала неожиданный вопрос: «Ты меня любишь?» Я отодвинулся и сказал: «А это тебе зачем?» И услышал в себе: «Полюби меня. Откройся сердечком», и впиалась в меня губами. Я не отодвинулся, но хамить не стал. Слово «люблю» всегда было для меня священно. Я услышал: «Молодец. Еще немного и ты в меня влюбишься». Это меня отрезвило. Наглости в ней был беспредел. Я спросил: «Зачем ты со мной разговариваешь в голове?»

Она преподнялась на локте: «Вот это да. Ты о чем?»

Я сказал: «О том, что ты посылаешь мне в голову».

Она сказала, поглаживая мне грудь: «Маленький мой, да ты больной оказывается. И давно тебе это мерещится?»

Я огрызнулся: «С тех пор как встретился с тобой и вашей компанией».

«Ну и ну-у» протянула она. «Дело плохо. А врачи что го-

ворят?»

«Слушай», сказал я, «оставила бы ты меня в покое. Ты мне не нужна. Это я тебе зачем-то нужен. Но тебе не удастся свести меня с ума».

«Удастся», раздалось у меня в голове.

Я вскочил: «Пошли отсюда».

Она нехотя поднялась: «Как хочешь, милый».

* * *

Когда мы вернулись в квартиру, Эллочка осталась в гостиной а я ушел в комнату, надеясь, что она устала и я ей не нужен. Она начала рассказывать голодной аудитории о том, какая у нас была сексуальная ночь.

Я слышал это из комнаты и удивлялся непреодолимой подлости этой королевы секса.

Каждое утро повторялось как ритуал: Эллочка вела меня в парк «для моего здоровья». Мы укладывались на спинах в высокой траве. Солнце останавливалось прямо над нами и распускалось душем, поливая сквозь листву приютившей нас липы. Я закрывал глаза, игнорируя Эллочкины ласки.

Сегодня перед моими закрытыми глазами поплыли фантастической раскраски деревья, трава, цветы, все ожило и все излучало угрозу. Я им не нравился, Я втерся к ним, в их царство, и они были готовы защищаться.

Почувствовав как я напрягся, Эллочка спросила невинно:

«Ты чего-то боишься, милый?»

Обескураженный, я не стал выступать перед ней, гадиной, с обвинением, что она упражняется, пытаюсь выбить меня из баланса раз и навсегда. И зависеть от этого постоянного страха, где якобы только она одна могла прийти на помощь.

«Ты опять плохо себя чувствуешь? Опять что-то мерещится?» Она вполне правдоподобно разыгрывала участие.

Кончалось одним и тем же – «Пойдем отсюда», огрызнулся я как беспомощная крыса в пожаре.

«Конечно, конечно». Она заторопилась, подымаясь с травы и протянув мне руку. Вполне вовремя, потому что у меня закружилась голова.

* * *

Когда мы на сей раз вернулись в квартиру, в гостиной за столом сидела компания с Тригером во главе. Я молча прошел в свою комнату и улегся на наше ложе.

Я даже закрыл за собой дверь, оставив Эллочку в гостиной. Мне так хотелось побыть одному, чтобы никто за мной не наблюдал. Позднее я понял, что никакого такого угла у меня теперь нет.

Из гостиной, как я услышал, Тригер потребовал у Эллочки отчет о моем поведении. Эллочка запела блаженно. «Он такой ненасытный, Всю ночь мне спать не давал. Честное слово, я больше не могу. Ну вы подумайте, какая страсть».

Меня начало тошнить, но раздался дружный хохот и я превратился в комок злости. Сердце заныло и стало страшно, что я умру. Эллочка вошла, присела ко мне на диванчик и сказала заботливо: «Все в порядке, милый. Не надо нервничать. Тригер тобой доволен».

Я мог сказать ей, приказать даже в своем озлоблении: «Уходи. Ты мне противна». Но что толку. Их много. И то, что там Изабелла, холодная и непробиваемая, больше всего унижало меня. Моя беспомощность покрывала меня стыдом. И тогда я почувствовал и решил, произнеся это в себе громко и четко: «Я хочу умереть».

Эллочка смешалась. Она сказала укоризненно: «Разве легче умереть, чем подчиниться? Я хочу, чтобы они начали тебя бояться. Потому что ты – сильный. Никто из них так не силен как ты. И твоя Изабелла это увидит и тебя зауважает. А я буду гордиться, что я – твоя жена. Хотя ты ее и любишь. И вообще, когда динозавр щиплет травку, это смешно. Ты динозавр, милый. Тебе большие дела надо делать. Тригер это понял и завербовал тебя к нам. Деваться тебе некуда. Наши везде. А у тебя – ни копейки даже на автобус чтобы удрать. Тригер тебя открыл и теперь не выпустит. Тригер – он железный. На нем много дел, больших и маленьких. За тебя он хочет миллион. Ты будешь его произведением искусства. Он – твой Пигмалион. И не яришь, устанешь и сдашься. Выбора нет».

«Есть», разозлился я. И заорал так, что через открытое

окно меня наверно слышал весь дом: «Я хочу умереть!»

Эллочка, дрянь такая, опечалилась: «Ну хорошо, я доложу. Хотя он, конечно, тебя слышал. Берегись теперь».

Она ушла, прихлопнув дверь. Я улегся обратно и закрыл глаза. Передо мной, все мое внутреннее зрение затопило черное поле.

Где же мой Свет? Удивился я. И тут понял: меня убивают особой изощренной пыткой – пыткой мрака, где не может выжить душа человеческая. Я робот.

Ну конечно, как же я не догадывался? Охотники за душами.

Я услышал в себе голос Тригера: «Не строй безумных догадок. И не вздумай кому-нибудь жаловаться. Тебе все равно никто не поверит. Выходи лучше на чай с водкой. Побеседуем».

Я понял: надо притворяться. Время покажет кто кого. Подождем когда они перестанут запираить меня в квартире. И пошел в гостиную.

К моему удивлению, в ответ на эти мысли, во мне раздался громкий смех команды. Голос Тригера сказал: «Поздравляю. Ты только что сам себя продал. Слышно каждое твое слово. Меня или других, к примеру, ты не услышишь, если на то будет моя воля. Все потому, что я мыслю, а ты маразмируешь. Иди чай пить, придурок».

За прямоугольным столом без скатерти сидела компания. Почему-то не было Изабеллы и Виктора.

Судя по блеску глаз и румянцу щек все достаточно зарядились спиртным. На столе стояли в ожидании начатые бутылки водки. Конечно русские консервы и хлеб. И никакого чая.

Тригер меня представил: «А это наш новый товарищ. Оторвался от наук в Нью-Йорке и теперь не хочет возвращаться домой. И даже решил жениться. Эллочка от него без ума».

Эллочка нахально прижалась к моему плечу: «Он такой милашка».

Я отодвинулся. Компании это не понравилось. В воздухе гудело неудовольствие. Эллочка и глазом не моргнула: «Он стесняется». «А-а», они захихикали. «Смелее, парень. Здесь все свои. А ты гляди».

Гитарист пропел, а остальные подхватили из Окуджавы: «Не обещайте деве юной любви вечной, навсегда».

От запаха водки меня замутило. Но они бросились хохотать и угощать меня: «Выпей, не обижай компанию».

Эллочка взяла полную рюмку, поднесла мне ее к губам и буквально влила внутрь: «Сейчас станет хорошо, милый» проворковала она мне на ушко.

Мне нельзя пить. Я дичаю. Не соображаю сам что делаю. В

голове помутнело и мне захотелось перевернуть стол прямо на них на всех, со всем его содержимым. Эллочка завопила в растерянности. Тригер сделал знак Ассу – громиле, который сидел во главе стола напротив Тригера. Асе встал и пошел на меня. Я выскочил из-за стола ему навстречу. Но он не собирался со мной долго разбираться. Обошел, обнял меня со спины, приподнял и хлопнул мной об пол.

Я слышал, отключаясь, как Тригер выговаривал ему: «Аккуратнее, Асе. Соседи слышат. Уже могли вызвать полицию. Кому это надо».

Тот оправдывался: «Я что, я слегка. Хорошо, что ты Дверного не позвал на помощь. Он бы ему все кости переломал».

Эллочка руководила транспортировкой меня в нашу комнату на диван. Было темно. Я падал куда-то вниз, крутясь как щепка в водовороте. Тошнило. Потом я вырубился. Никого и ничего.

* * *

Бог мой, куда меня занесло? Ведь нашелся же темный уголок, населенный чудовищами, и судьбой меня в него вдунуло и прикрыло вход позади.

Я ощущал себя в ловушке. Только чудо могло меня отсюда вывести. Я отупел с отчаяния и страха и только молился. Ни искорки, ни проблеска. Одна тьма. Я уснул. А может бредил. Пришел волшебный овал, и по его орбите медальонплы-

вущий вниз. Сирень, пропитанная светом. И в медальоне вписаны сияющие мы с моим мальчонкой у меня на руках. С коронами на голове.

Чистота и святость, и обожание друг друга. Это уже было и повторилось. Значит, им не удалось нас умертвить. А мальчик этот – мой сын. Молчание. Ведь слышат, а молчат.

Голос Тригера: «Рука не подымается. Сдайся».

Всхлипывает Эллочка. Я молчу.

Голос Изабеллы (откуда она появилась?): «Я в роли плохого полицейского, из нас двоих, допрашивающих. Спаси ребенка».

В растерянности я теряю дар речи, вернее, мысли. Меня отключают. Я в шоке. Сердце стучит где-то под горлом. Изабелла выступила как палач. Теперь у меня никого нет в стане врага. Я падаю в водовороте. Я надеюсь на смерть. Кажется, они это поняли. Меня отпускают.

* * *

С утра собралась вся компания. С Тригером во главе стола. Мы с Эллочкой на другом конце. Попили, поели и неожиданно Тригер адресовал мне вопрос: «Что будешь делать, герой?»

Я растерялся: «Как это?»

Тригер: «А так».

Я сказал: «Я хочу домой, к сыну».

Тригер: «Заслужить надо».

Я: «Вы привезли меня сюда насильно. Я вам ничем не обязан».

Тригер: «Обязан. Жизнью. Это я тебя до больницы дотащил в Нью-Йорке».

Я: «Этого не помню. В любом случае спасибо. Но мне надо к ребенку».

Тригер: «Ребенка не увидишь, пока не начнешь на нас пахать».

Я: «Лучше умру, чем стану бандитом».

Тригер: «А это пожалуйста».

Я подумал: «Если мне отсюда не вырваться, я не хочу смотреть на его погибель».

К моему удивлению Тригер ответил, как если бы я произнес это вслух: «Посмотришь, ничего. Должен – расплатись».

Я схватил со стола початую бутылку и швырнул ее в Тригера. Абы как, не целясь. Бутылка ударилась о его грудь и облила водкой до ног.

Тригер рванулся ко мне, но на нем повисли «рабы»: «Оставь, Тригер, оставь. Окна открыты, полный двор народа, полицию позовут. Не здесь, подожди».

«А ну, оставьте меня с ним вдвоем», ревел мокрый Тригер. «Я ему покажу как с начальством разговаривать. Уходите».

«Да зачем?» Им не хотелось уйти от водки.

«Я его сейчас убивать буду. Убирайтесь».

Растерянно, они просочились в дверь. Мы остались вдвоем.

«А ну-ка, подь сюда, герой».

Он поставил меня, не сопротивлявшегося, к стенке и нажал двумя большими пальцами мне на горло, под кадык. Остальные пальцы обняли мою шею вокруг.

«Вот так, мальчик, посмотрим какой ты герой». И вдруг нажал сильнее и сильнее. И дальше я не помнил, очнувшись в судорогах на полу. Я не сразу понял где нахожусь, пока он не спросил участливо: «Ну как? Нравится? Вставай-ка. Повторим», и поднял меня с полу, установив обратно вдоль стены.

На этот раз он продлил пытку удушением, нажимая и отпуская мое горло, до звезд перед моими глазами. Я медленно полз вниз спиной по стене. Но он не давал мне упасть. И я потерял сознание, стоя вдоль стены. Мое тело конвульсировало, когда он дал мне прийти в себя. Я опять не мог понять где нахожусь. Мое сердце сжало спазмой, и я рухнул.

* * *

Я очнулся на нашем диванчике и опять не мог понять, откуда мне знакома эта комната. Постепенно, переводя взгляд с предмета на предмет, я вспомнил и застонал. Сердце откликнулось болью.

Впорхнула Эллочка, свеженькая, из мира живых, и залю-

потала, залопотала. Что нельзя же так раздражать старших по званию. К тому же я всего лишь раб пока. Но она меня любит и ни в коем случае не будет обращать внимание на мои закидоны.

Я попробовал пошевелиться. Левая рука болела у плеча.

Я уснул. На меня, с вершины конуса и вдоль, падали черепя. Они стучали челюстями мне в лицо. Меня наказывали. Я умирал. Я становился одним из них. Я не понимал что происходит.

Утром я проснулся с Эллочкой под боком.

«Ну и..?» спросила она, поглаживая меня по щеке.

«Что ну и?»

«Как дальше?» спрашивает.

«Я не знаю что вы со мной делаете».

Эллочка как будто ждала и получила то, что должна была услышать.

«Да ничего никто не делает», объявила она с энтузиазмом. «Ты просто болен, милый. Тебе все кажется. Тебе пытаются помочь. Триггер хороший целитель. Вот увидишь».

Это означало продолжение пытки.

В дверь громко постучали. Кто-то крикнул громко: «Хватит миловаться. Пора столоваться. К завтраку!»

Компания за столом уплетала жареную картошку. Конечно банки консервов и бутылки с злополучной водкой. Встретили как «родного». «Хорошо спалось, воскресший?» – Всеобщий смех. «Эллочка не подвела?» смех еще дружнее.

Эллочка включилась с восторгом.: «Он меня так любит, так любит. У меня уже никаких сил не осталось для секса, так он меня замучил».

Компания обрадовалась подробностям эллочкиной сексуальной деятельности и затянула песню, гримасничая в мой адрес: «И за борт ее бросает в набежавшую волну», или: «Только ночь с ней провозжался, сам наутро бабой стал».

Так они веселились, а я тосковал и с ненавистью поглядывал на Эллочку, не отстававшую от них в выпивке, когда можно будет уйти на покой.

В конце концов я не дождался сигнала «свободен» и ретировался как ни в чем не бывало в нашу с Эллочкой комнату, будто так и надо. Однако минут через пять моего приятного уединения вошел Тригер, красный от выпитого, изображая гнев на меня за непослушание.

«Так не годится», сказал. «Ты своей жизнью больше не командуешь, раб паршивый. Прежде чем удалиться – надо спросить согласие.»

Я сказал спокойно: «Я не раб. И ваших порядков не знаю».
«Узнаешь. Не рекомендую напрашиваться».

«Я извиняюсь», сказал я, чтобы отвязаться.

«А вот это – другой разговор», расцвел Тригер. «Не забывайся».

«Влепить бы ему», подумал я со злостью. И ситуация немедленно изменилась.

«А вот этого не надо. Ты ведь наверно жить хочешь», он

стал еще краснее.

Я был потрясен. Неужели он слышит все мои мысли? А как остальные? Как много из них тех, кто слышит?

Тригер отозвался и на эту мысль: «Не беспокойся, на тебя нас хватит. Научись для начала прятаться» послал он мне в мозг.

Я молчал, уничтоженный. Я громко мыслю, вот в чем дело. Превосходная наживка для компании.

В дверь храбро поскреблась Эллочка. А эта? Что она слышит?

И услышал Эллочкин ответ: «Все, милый. Теперь ты мой. Тебе негде спрятаться».

* * *

Эллочка будила меня каждую ночь в три часа.

«Попьем кофе, дорогой», мурлыкала она мне, сонному, включая свет. И уходила на кухню.

Мы пили кофе. Вместе с кофе я глотал возмущение эллочкиным хамством. Но в перепалку не ввязывался. Дороже обойдется.

«А теперь спи, дорогой. Спи, спи», кудахтала она, подпихивая под меня летнее одеяло, и гасила свет. «Это время учиться».

Я знал: «Сейчас что-нибудь начнется».

В темноте я слышал вопрос: «Кто ты?»

Я не понимал что я должен делать. Под какую именно истину обо мне они подкапываются. Я молчал из упрямства с ними ни в какие игры не играть.

Снова вопрос: «Кто ты?» Я молчу.

Голос: «Отказ кооперировать. Штраф». Вот что придумали.

Мой разум за меня отвечает: «пошли вон».

Их ответ: «Штраф тысяча долларов».

Молчу.

«Две тысячи».

Мне становится страшно. Мне себя не выкупить.

И вдруг возникает в голове странное слово: «Ката-пилла».

И я его им преподношу.

Они молчат, похоже от растерянности. Потом: «Ненормальный. Уходим».

Уходят. С одурманенными мозгами я медленно засыпаю. Кукла Невелли, где ты? Ты можешь мной гордиться.

* * *

Вдруг, как иголка пронзает мозг, вопрос: «Кто ты?»

Я сонно посылаю обратно: «Катапилла». Я им пачкаю мозги.

От них приходит ко мне: «Коронованные».

Я отбиваюсь: «Навсегда».

Они: «Ого. Ты учишься семимильными шагами».

Я молчу.

Они: «Надо реагировать. Будет штраф».

Я: «Пошли вон. Кто вы?»

Молчание. Потом: «На сегодня все».

Я раскисаю. В голове моей: «Как же я по тебе тоскую, мальчик мой голубоглазый».

Голос: «Не пройдет. Все неправильно».

Засыпаю. И опять в голове как иголка мысль: «Кто ты сейчас?»

Я: «Убирайтесь. Я ничего не знаю и не понимаю».

Подсказка: «Масон новообращенный».

Я, в возмущении их самоуправством: «Нет, нет и нет. У вас ничего не получится».

Голос: «Папа? Где ты, папа?»

В ужасе я понимаю, что услышал голос моего сына. Неужели они и его атаковали?»

Я молчу. Я боюсь осуществить с ним связь массонскую. Он должен остаться неприкосновенным.

Я: «Он жив, здоров, неприкосновенен» (К кому бы это ни попало).

Голос (отвечающий): «От тебя зависит. И так: кто ты?»

Я: «Король на земле и на небе».

Голос: «Король с королевой решили пожениться». (А это что еще за чушь?)

И голос Элочки: «Браво, милый. Я люблю тебя». Я: «Ты мне опротивела».

Больше в эту ночь меня не тронули.

* * *

Утром я проснулся от очередного голоса в голове: «Я буду превосходной мамой». Как я понял это мне дали задачу на сегодняшний день. Я должен был «работать» с этой идеей.

Я сказал: «Уйди, ненавистная. Руки прочь от моего сына. Я лучше умру».

Голос Тригера: «Это можно устроить».

Элочки в комнате не было. Дверь отворилась. Вошел Тригер, спросил: «Как дела? Как себя чувствует наш пациент? Не болит сердечко?».

Я сказал тихо: «Нет».

Тригер: «Громче. Я тебя не слышу, борец за свободу».

Я заорал: «Нет, нет, и нет».

Тригер остался спокоен: «Ну вот и лады, а то совсем распустился. Хочу уме-ре-е-ть, не хочу жениться. Будешь делать что прикажут, понял?»

«Кто?» спросил я.

«Узнаешь. В нужный момент. И нечего обижать Эллочку. Она к тебе всем сердцем, а ты хамишь».

Я сел на диван и сказал тихо и жестко: «Сына моего не трогай».

Тригер закипел от злости: «Ну вот, приехали. Что тебе еще мерещится? Может, отвести тебя к врачу? Пусть про-

верит твою головку. Никому твой сын не нужен, ты просто нездоров. Мало тебе сердца, ты еще сам себя свихиваешь. Одевайся, пойдешь в парк с твоей возлюбленной Эллочкой. Тебя нужно выгуливать».

* * *

Мы вышли в парк и, как обычно, улеглись в высокой траве. Где солнце неизменно лилось на нас душем сквозь богатую листву. Эллочка странно молчала. Только поглаживала меня по плечу: «Все образуется, милый. Ты выздоровеешь. Триггер пошлет тебя к хорошему доктору. Я тебя не брошу. Перестань думать про Изабеллу. Она не для тебя. Она тебя не полюбит как я. Все что от тебя требуется, это – любить меня. Полюби меня, милый».

На какое-то время я расслабился. Я готов был ей поверить. Я погладил ее по голове. И тут услышал: «Идиот сдастся, Триггер!»

Меня как кипятком ошпарило. Я отдернул руку. Как я мог так расслабиться? Перед этой изношенной куклой. В голове закрутились мысли: «Да будь ты неладна, окаянная. Никогда тебе не сдамся».

И услышал: «Ты победил, Триггер. Он начал работать. Уже отвечает».

Меня опять провели. Окунули в стресс и моя голова начала излучать мысли. Значит, вот чего они хотели. Внутренне-

го диалога. Такого, какой они ведут все время между собой. Значит, я теперь член команды. Ну уж нет.

Я наклонился над ее лицом как для поцелуя, и, когда она расслабилась, торжествуя, прошипел: «Пошла вон, ненавистная».

Она заныла: «Ну вот, опять ты за свое. Я к тебе всем сердцем, а ты... Нет, ты серьезно болен, милый, и поэтому я на тебя не сержусь».

В воздух полетела телеграмма: «Он опять сопротивляется. Нужен перерыв».

Я погрузился в приступ растерянности и ненависти. Но промолчал. Я был на неверном пути. А какой он, верный путь? Я был заперт в ситуации. Они играли в беспроигрышную игру. Можно было разрешить ее только моей смертью. Но что для этого сделать? Триггер опять начнет душить и отпускать мое конвульсирующее тело в последний момент. И потом снова. Вот он опять уловил мою смертельную медитацию. Вот послал мне предупреждение: «Не надейся ни на что. Даже если ты умрешь, ты все равно попадешь к нам. Мы тебя там встретим».

Я не мог так фантазировать. Я о них ничего не знал.

На помощь пришла Изабелла. Я услышал в себе ее голос: «Ничего не бойся. С тобой ничего нельзя сделать. Ты – белый».

Вмешался Триггер: «Еще посмотрим. А крылышки мы ему подрежем. Далеко не улетит».

Я молчал. Говорили эксперты. Изабелла во мне сказала: «Спасешься сам – спаси и меня. Я тебе помогу».

Я спросил: «Что я должен сделать для этого?»

Ответ был коротким: «Любить».

Больше в тот день меня не беспокоили. Ушли. Блаженная пустота образовалась в голове.

* * *

Компания выпивала в гостиной и орала советские песни. Даже Эллочка на мне не висла. Только раз заглянула в нашу комнату и дала совет: «Ты бы почитал книжечку, милый. Триггер советует читать детективы. Поройся на полках».

На своем диване я повернулся к ней спиной и она исчезла.

Дельность этого совета я в последствии оценил. Через занятость мозга напряженным сюжетом они не могли пробиться. И я начал читать детективы.

Кто-то из мудрых сказал: «Держите свое сознание занятым, иначе оно сведет вас с ума».

* * *

Теперь Изабелла вывела меня на прогулку. Сначала я обрадовался. Парк возвращал мне желание жить. Я забыл, что Изабелла мне не друг, а член клана моральных преступни-

ков.

На меня начали падать черепа. Я вновь оказался центром конуса их падения. Они хохотали и исполняли песню смерти.

Мы шли вдоль аркады старых могучих деревьев. Я остановился. Мне было страшно. Я спросил: «Что случилось?»

Она не отвечала. Внутри себя я услышал ее голос: «Ты плохо обошелся с Эллочкой. Тебя приказано наказать».

Мне становилось все страшнее. Атака черепов усиливалась. Они ударялись об меня и таяли. Прикосновение смерти приводило меня в ужас. Кружилась голова. Я задыхался.

Я умоляюще посмотрел на Изабеллу. Она делала вид, что ничего не происходит. Я услышал: «Сдайся, и все будет хорошо».

Я молчал. И вдруг понял, что начинаю ненавидеть Изабеллу тоже. Она играла со мной роль хорошего полицейского на допросе из двух допрашивающих преступника.

Я подумал и послал ей: «Ты не то, что я думал».

Я услышал как она сказала: «Он учится коммуницировать».

Голос Тригера сказал: «Поздравляю. Можете возвращаться».

Я понял, что меня и на этот раз провели.

Изабелла повернула к дому.

Я был в тихой ярости. Меня выбили из колеи моей внешней сдержанности. На самом деле я – непроснувшийся вулкан, и ярость бродит во мне яркой горячей лавой, ожидая момента прорваться наружу.

Изабелла включила во мне механизм извержения. Разум мой помутился. Я быстро шагал к дому, она спешила за мной, озадаченная.

Мы вошли в гостиную, и я, не ожидая приглашения, уселся за стол, небрежно подвинув Дверного и Асса. У меня дрожали руки. Я налил себе полный стакан водки. Бойцы мои заворчали, но Тригер сделал знак не мешать мне. Я оглушил стакан, встал и запустил им в Тригера. Я попал ему в бровь. Все поскакали на ноги и навалились на меня, а кто-то помчался в ванную комнату за йодом и бинтами. Я орал, не соображая: «Ублюдки! Ненавижу! Отпустите меня!»

Тригер, с бинтом на лбу, сделал знак отойти от меня и сказал спокойно: «Ты свободен, можешь идти куда хочешь».

Я выскочил на лестницу и помчался вниз. Я ощутил свободу. Сердце бешено колотилось. Я сбавил скорость и пошел медленно. Обернулся. Никто меня не преследовал. Я сунул руки в карманы легкой куртки и осознал, что у меня нет ни копейки денег. Нет сигарет. Нет воды попить. Ни-че-го. Сердце учащало ритм. Алкоголь завладел мной с головы до

ног. Я плохо понимал куда иду. У меня не было документов. Хватило ума не сунуться в полицию с фантастической историей о компании вурдалаков, пленивших алкоголика.

Я дошел до парка и свалился на скамейку. Это сердцебие-ние должно было меня убить. Что же – тем лучше. Я отключился.

Когда я открыл глаза, то первое, что увидел, был белый потолок надо мной, и первое, что ощутил – резкий запах медикаментов. Подошел врач и взял меня за руку сосчитать пульс. Что-то сказал на Идише. Я конечно ничего не понял. Он исчез и вернулся с сияющей Эллочкой.

«Милый, как ты?» залопотала она. Мы тебя еле нашли. По всем госпиталям искали. Здесь сказали: привезли неизвестного.

Мне захотелось обратно в небытие.

«Где я?» спросил ее, ненавистную.

«Тебя патруль обнаружил в парке, милый. Ты лыка не вязал. Удивил ты нас всех, милый. Ну нельзя же так пить. Да ты, оказывается, алкаш. В скорую помощь тебя привезли, укольчик сделали. Сердчишко бы пожалел. Здоров ты, здоров. Доктор говорит – здоровее всех нас. Притворяешься только. Сейчас домой поедем. Тригер на тебя не злится. Он тебя в алкоголики определил. Говорит: как он объявится, налейте ему еще стакан. Сдохнет так сдохнет. А ребята за тебя горой, понравился ты им. На Тригера попер – надо же. Да ты не знаешь – куда тебя понесло. Как живой остался. Видно

крепко ты ему нужен. Сейчас вставай и поедем домой. Там отлежишься».

Я сказал: «Я не люблю тебя».

Она весело рассмеялась: «Полюбишь. Стерпится – слюбится. Я тебя в себя влюблю. Я такое про любовь знаю – тебе не снилось. Ты не устоишь, милый». И поцеловала меня как-то по-особенному.

Я попробовал встать с каталки скорой помощи. Как ни странно, я почувствовал себя лучше. Нас никто не задерживал. Обо всем у них было договорено.

На улице ждала команда тригеровых прихлебателей. Вызвали такси и усадили туда нас с Эллочкой. Скоро мы были обратно в Грехов-Ганурит. В прокуренной и пропитавшейся запахом алкоголя гостиной.

Все те же лица за столом. Во главе – Тригер, все еще с повязкой.

«Присаживайся, – сделал он пригласительный жест рукой.

Я сел от него подальше. Его энергии сейчас мне были не нужны.

«Что будешь пить, герой? – обвел он рукой стол с напитками. Бойцы его верно заготовили. «Не стесняйся. Теперь мы тебя знаем. Открылся ты нам. Дайте ему водки, ребята».

«Не буду», вдруг сказал я.

«Это почему?» обиделся Тригер. «Тебя приглашают. Ты наш человек. Зачем обижаешь отказом?»

«Не буду и все», сказал я упрямо. «И вообще я хочу

спать».

Я встал и, пошатываясь, побрел в «свою» комнату. Эллочка хвостиком за мной.

Я чувствовал в воздухе грозу. Мне нравилось бесить Тригера. Раз уж я зачем-то ему нужен. Миллион ему спать не дает».

* * *

В соседнем доме проживала девушка Рима. Сабра. Неугомонная Рима, как окрестил ее Дверной. Она была военно-обязанная и участвовала в военных операциях Цахала. Гоняла санитарную машину по полям боев, подбирала раненых под артобстрелом.

Дверной предложил Тригеру меня развлечь и отвлечь и пригласил ее в гости. Я отнесся к ней враждебно. В этом был умысел, а я никому из гануритовцев не доверял.

Общение было натянутым, но она пригласила меня в гости и дала свои координаты – все тот же Ганурит. Я хотел выбросить, но что-то меня остановило. Жила она с бабушкой. Родители с ней не справлялись, поскольку она была наркозависимой. Ночевала в парках и даже сидела в тюрьме. Обо всем этом упоминала с юмором. «В тюрьме мы очень мило проводили время. И даже устроили им забастовку из-за холодного кофе по утрам».

Она была жгучая брюнетка, с пламенными черными гла-

зами. Дверной поведаль, что к ней сватался сам Тригер, но она его отвергла. Я так понял, что она обладала колоссальным инстинктом самосохранения, что помогло ей пройти через войну и наркотики, и счастливо освободиться от ухаживаний Тригера, хотя она и была еще один сайкик. Самым большим ее увлечением была астрология. Она собиралась составить на меня и сынулю гороскоп. Я обещал ей позволить, но на самом деле сказал просто так, на всякий случай. Я посчитал ее членом этой компании.

Эллочка бурно ревновала и атаковала меня своей любовью с утроенной силой, что меня наконец насмешило, и тогда расплакалась. Мне даже стало ее жалко. И я погладил ее по плечу. Но тут же услышал торжествующее: «Ага! Тригер! Он у меня в руках!» И оттолкнул ее от себя с ненавистью, обругав себя за мягкотелость: «В другой раз не попадайся на удочку, болван».

Среди шумов и голосов в моей голове настойчиво звучало слово «шабот». Вот он пришел этот шабот. Никто никаких обычных ритуалов в этой компании бывших советских безбожников не соблюдал. Все почему-то ушли в пивную, предварительно уже накачавшись. Эллочка, как ни странно, ушла с ними, поцеловав меня в щечку. Тригер перебрал и валялся на матрасе в своей комнатушке. Спал, или делал вид? Ключ торчал в двери. Я почувствовал шанс на свободу. Но куда мне деться? Ах да. Есть же теперь Рима. Нашел ее карточку, тихонько открыл дверь и помчался по лестнице вниз. Никто меня

не преследовал.

Дом Римы оказался в соседнем блоке на первом этаже. Я постучал колотушкой в дверь. Открыла сама Рима. Удивилась, но пригласила войти. Мы уселись на диване и начали вежливую беседу. Она рассказывала мне о войне. О том, что ее спасала только вера в защиту белой энергии, когда приходилось лавировать машиной между свежими воронками арт-обстрела. Как хорошо было в тюрьме за нарушение воинской дисциплины. И про веселую женку забастовку.

Я попросил ее рассказать о Тригере и компании.

«Об этой «чертовой квартире»? как ее прозвали в районе. Она засмеялась. «Странный народ. Алкаши.

Их боятся. Говорят, они продали душу дьяволу. А Тригер с дамами джентльмен. Как-то пришел свататься. Я ему вежливо отказала, и по этому поводу мы выпили. Тригер мало не пьет и решил меня напоить. Я и не заметила как оказалась в туалете в обнимку с унитазом, пыталась блевать. Подумала: хорошо, что он не видит. А когда вышла, он меня с сочувственной улыбочкой спрашивает: «Хорошо с унитазом общаться?» Ясновидящий значит. Стыдно мне стало, и я его выставила. И с тех пор боюсь».

Мы попили чайку. Впервые за много дней я почувствовал себя в «нормальной» обстановке. Рассказал ей про сынулю, и какие у нас с ним трудные взаимоотношения. Я вдруг заметил, что уже час ночи. Мне стало страшно возвращаться. Опять накажут. Тем более, что весь день пили.

«Оставайтесь, если хотите. Сейчас моя бабуля придет. Мы вам постелим на диванчике. Пускай они протрезвеют». Предложила нормальная девушка Рима, отчего я чуть не расплакался. Я поблагодарил и не отказался. Она пошла выносить посуду на кухню. Я смотрел ей вслед. И тут вдруг, на ее длинной белой юбке вспыхнул и погас черным пятном энергетический заряд. Меня парализовало от ужаса. Я не был уверен, но другого объяснения не было, что заряд этот был пущен в нее мною. Или теми, кто мной управлял на расстоянии.

Она замолчала, повременила и странно меня разглядывала, хмурия густые брови.

Только бы она не догадалась, что я невольно подверг ее опасности. Значит, вот почему всех удалили из дома. Меня начинили негативной энергией для пробного выстрела. Он никому не предназначался, если бы я не ушел из этой «чертовой» дыры. Я совершил ошибку. И поставил под удар безопасность очень хорошего человека.

Мне стало дурно. Бешено колотилось сердце. Озарение могло стоить мне сердечного приступа. Я дотащился до стула, потом до дивана, и прилег, а потом отключился. Я не слышал, как пришла бабуля, как Рима рассказывала ей кто я такой и почему здесь. Мне снились черти в аду с рожами героев Ганурита.

* * *

Утром я проснулся на диване под грохот чашек и кастрюлек на кухне, где орудовала Римина бабуля. Увидев меня, проснувшегося и выходящего из туалета, она прошамкала, что Рима ушла на работу и пригласила меня на чай с булочкой. Пока я пил, она поведала, что приходила соседка и жаловалась. Какая-то женщина ночью ломилась в дверь и требовала, пьяная, выдать беглеца. Ей пригрозили полицией. Тогда она улеглась у дверей на коврик и так и спала до утра. А потом исчезла. По описанию я понял, что меня искала Эллочка. Я не хотел соседям неприятностей и отправился «домой».

Больше всего меня беспокоило воспоминание о черном разряде, вспыхнувшем на подоле Риминой юбки. Неужели она ничего не заметила? Я помнил, что на какое-то мгновение она остановила свою речь, но почти сразу продолжила. Меньше всего я хотел Риме зла. Я начал догадываться почему из этой чертовой квартиры всех убрали. Что-то со мной было сотворено. Очень опасное для других.

* * *

Я вошел без стука, потому что дверь была не заперта. На-

верно потому, что меня ждали. При моем появлении замер звук их общения за столом с этими несчастными бутылками. Наступила тишина. Все смотрели на Тригера, ожидая команды.

Тригер изучал меня какое-то время. Потом сказал с ехидцей: «Поздравляю». «С чем?» спросил я. «Слышь, ребята, он не знает». Ребята заржали. Звон стаканов и потребление пищи возобновилось. Тригер сменил спокойный тон на резкость: «А тебе и не надо знать. Твое дело подчиняться. Мы вчера ушли, чтобы посмотреть что ты будешь делать. Так что садись, завтракай. И ни о чем не думай. Тебе не положено. Думать за тебя умные люди будут. В отпуск тебе положено. Заслужил. Перенапрягать тебя никто не будет. Понятно?»

Я ничего не понял. Кроме того, что меня на какое-то время оставят в покое. И что они так и будут говорить загадками и командами. И что меня превращают в опасного робота. (Снова мысль о том, как хорошо умереть вовремя). Тригер поморщился. Я и забыл, что он все слышит. Каждую мою самую крохотную мыслишку.

Эллочка усадила меня за стол. Налила как полагается в стакан и нежно обняла за плечи: «Мы совершим паломничество в Вифлеем. Ты и я. Не правда ли, как здорово, милый? Я покажу тебе Святую Землю. Нашу маленькую израиловку».

Я спросил: «Это ты ночью ломилась к соседям? Пьяная как сапожник».

Она сказала зло: «Я. Мне было поручено разыскать тебя

и вернуть сбежавшего раба в стойло. Но я ошиблась квартирой. Триггер рвет и мечет. Ты знаешь что ты натворил?»

«Нет», сказал я. И это была правда.

«Ну и не надо», мне показалось она сказала это с облегчением. «Тебе же лучше. Не думай ни о чем. Поверь мне. Выхода у тебя нет. Я – твоя единственная надежда. Полюби меня, милый. Откройся сердечком. Мы поженимся и поедем к тебе в Нью-Йорк. Все будет хорошо, вот увидишь».

Без меня меня женили. Я вдруг обозлился: «Я тебя ненавижу. Ты здесь подстилка для всех, а теперь тебе захотелось приобрести вес и достоинство».

По ее щеке поползла слезинка. Она захныкала: «Ты не знаешь, но я тебе помогаю. Я хочу, чтобы ты спасся. Давай спасемся, милый».

Я ничего из ее нытья не понял. Какая именно опасность мне угрожает. И каким-таким чудом она собирается меня спасти. Это маленькое фуфло. Она услышала мои мысли и приободрилась, почувствовав себя очень важной.

Я спросил: «Что это была за вспышка?»

Она картинно заморгала своими глупыми глазами: «Какая вспышка, милый?»

«Там, когда я был с Римой на кухне».

Она медленно процеживала слова мне в ответ: «Тебе опять что-то мерещится? Ты уже начал галлюцинировать? Какие-то вспышки. Скажи еще молнии».

Я понял, что она села на своего конька. Как все они со

мной. И так и будет морочить мне голову. Я зашел в тупик.

«Ты болен, милый», сообщила она мне убежденно. «Тебе нужен отдых. Решено. С утра уходим в паломничество».

Я почувствовал всю безнадегу разговора с ними на равных. И велел ей принести мне водки.

* * *

Мы шли по дорогам между холмами с террасами-виноградниками, спускаясь к нам. Как она находила правильный путь – не знаю. Но ей явно было не в первой. Она трещала, не умолкая: «Вот здесь мы пойдем, когда придет час», и махала ручкой в даль.

Я не спрашивал что за «час». Все равно наврет. Отвращение к ней усиливалось. После вчерашней водки у меня болела голова, и я молчал. Безвыходность ситуации – это все, что я понимал. Меня заперли в ловушку и теперь я должен был всему подчиняться.

Я не подчинялся. Я сделал вид, что я в общении, и ждал Своего часа.

* * *

Теперь мы вышли из холмов и пошли по длинной прямой дороге. Потрескавшаяся с двух сторон дороги пустая почва

– пустыня. Это все что было вокруг. Солнце припекало все сильнее. В голове стучал вопрос, повторяемый кем-то, бесстрастно, с одинаковыми промежутками: «Кто ты такой сегодня?» В ответ я выпалил раздраженно: «Катапилла».

Короткое молчание, и затем снова вопрос: «Кто ты такой?»

Я понял, что меня проверяют на выдержку и заорал в раздражении: «Катапилла, катапилла, катапилла!»

Снова молчание, и снова... нет, на этот раз мне предложили ответ: «КГБ».

Я растерялся. И тут я услышал голос Изабеллы: «Отрекись». Я выпалил, спасаясь: «Отрекаюсь!»

Молчание.

Я оглянулся на звук идущей машины. Покрышками по гравию – неприятно на слух.

Нас догнали и остановились чуть впереди. Дверцу открыла Изабелла, и вышла к нам в спортивном костюме. Она сказала удивленной Эллочке: «Теперь его забираю я. Ты не справишься».

Эллочка заныла со слезами: «Это я его жена, а не ты. Еще немного, и он все поймет. Он уже смирился».

Я вмешался и сказал: «Изабелла, я так рад тебя видеть».

Не стесняясь, Эллочка зарыдала и глотала слезы и сопли.

«Садись в машину», сказала ей Изабелла. «Ты едешь домой, а мы прогуляемся». И попросила шофера: «Вынь мой рюкзак из багажника».

Элочка залезла в машину и громко хлопнула дверцей. Потом чуть выглянула из окошка и прошипела мне, утираясь: «Ты еще пожалеешь. Она страшный человек».

Машина развернулась и ушла в направлении Иерусалима. Изабелла натянула рюкзак на спину: «Ну, пошли, герой-одиночка. Хорошо сражаешься. А водку пить не надо. Это только ухудшит твою ситуацию».

Я спросил: «Ты мне скажешь что происходит?»

Она ответила, сразу отстраняясь: «А ничего не происходит. Мы идем паломниками в Вифлеем. Ты ведь верующий – вот и помолись».

Она бодренько стартовала. Я поплелся сзади, разочарованный безнадегой. Вся надежда была на Изабеллу. Что у нее там в рюкзаке?

«А ничего, милый. Водичка и сендвичи», сказала она, даже не оборачиваясь.

Я и забыл, что они все слышат. Я думаю громко.

«Даже если бы ты думал тихо, тебя все равно услышат». – отправила она мне как мессидж. «Меня не слышит никто, если я не захочу. Как говорит Тригер: я думаю, а ты маразмируешь», добавила мне моя любовь.

«Не плохое начало для новой пытки», мелькнуло у меня в голове. На этот раз бесшумно. Отчего Изабелла подозрительно нахмурилась.

Она остановилась. Посмотрела на меня внимательно. «А это интересно. Совсем неплохо. Значит, решил спрятаться?»

«О чем ты? – спросил я как ни в чем ни бывало. И подумал, но громко: «Вот тебе. Как ты – так и я».

Она рассмеялась: «Да ты молодцом. Далеко пойдешь. Скоро мной командовать будешь».

Я пожал плечами.

«Ну вот», сказала она. «Так и надо».

Дальше мы шли молча. От усилия не думать и не мыслить я выдохся на такой жаре.

У дороги стояла арабская кофейня. «Зайдем», сказала Изабелла. «Передохнем немного».

Домик в пустыне – белая мазанка с плоской крышей. По фризу шла арабская вязь, очевидно с пожеланиями гостеприимства.

Мы преодолели каменные ступеньки и обрели себя в прохладе небольшой залы с аккуратными столиками. В глубине – стена с кофеваркой и сэндвичами. Сели у окошка. Из-за стойки выплыла хозяйка, и мы заказали два эспрессо. Затем сипло дышали с наслаждением, медленно отходя от убийственной жары.

Хозяйка принесла нам крошечные чашечки горячего эспрессо и разрешила покурить.

Выпив чашечку, я повернул ее кверху доньшком и поставил на блюдце. Через минуту, дав гуще кофейных зерен сползти вниз по стенкам чашечки, я снова поставил ее в обычное положение.

«Гадать будешь?» спросила Изабелла.

«Попробую», сказал я скромно.

Я рассматривал кофейный рисунок на стенках фарфора. Три человека с напряженной мускулатурой тащили на веревке четвертого. Вербка обвилась вокруг его шеи, он сопротивлялся, руками пытаюсь ослабить натяжение, ногами упираясь пятками в землю. Отчаяние охватило меня, наподобие той веревки, за горло. Я с ужасом уставился на Изабеллу.

«Что с тобой?» спросила она, почувствовав неладное.

Я сказал: «Это Дверной, Асе и Левочка. Они волокут меня на место казни».

Изабелла попробовала улыбнуться: «Опять твои штучки. Не бери в голову».

«Изабелла, куда мы идем?» спросил я, как потребовал.

«Туда», сказала она. «Куда мы скоро пойдем по-настоящему. Но тебе об этом сейчас думать не надо» Потом вдруг захохотала, как-то нервно, и добавила: «Вообрази себя диверсантом. Вот видишь эти тропы в пустыне, по ним мы и пойдем». И стала серьезной, уставившись в окно. Уткнувшись в него отсутствующим взглядом.

Я был растерян. Это она всерьез? Поймав в воздухе мою мысль, она ответила вслух: «Нет. Я все еще надеюсь тебя спасти».

«Что-что?» переспросил я, себе не веря. «Ты хочешь меня спасти?»

«Вместе со мной», тихо добавила она. Теперь она смотрела мне прямо в глаза. Я почувствовал мощную энергию, об-

волакивающую меня с головы до пят.

Она сказала: «Недорасходованная энергия чревата последствиями. И вообще, как Эллочка любит приговаривать: это смешно, когда динозавр щиплет травку. Тебе пора, до-рогой мой».

«И что я должен делать?»

Изабелла: «Просвечивать рентгеном тех, кого мы тебе подсунем. Затем – ломка, внушение, страх. Шантаж. Согласие сотрудничать. Если понадобится – убийство энергетическое. Чистая работа, без следов и улик».

Я смотрел на нее в ужасе. «Изабелла», пробормотал я потерянно. «Ты идешь через все это?»

Она сказала холодно, и опять на меня повеяло могилой: «Мы сейчас не обо мне. Подумай о сынуле».

Я подумал о своей смерти, как единственном выходе из безвыходной ситуации.

Изабелла тут же вмешалась в мой процесс мысли: «Этим ты никого не спасешь, и в первую очередь его. Он наследник твоей энергии. Он займет твое место» послала она мне.

В холодном поту при жаркой погоде, я сказал вслух: «Убей меня, Изабелла».

Она несколько не смутилась: «При случае я это сделаю», сказала она вслух. А пока ты должен работать. И на Эллочке тебе придется жениться».

«Зачем?» спросил я с отвращением.

«Кто-то должен шпионить за каждым твоим шагом. Ме-

ня пошлют только когда ты начнешь тонуть, или хулиганить. Как тяжелую артиллерию. Жалости от меня не жди. Я даже не говорю тебе: подумай. Думать для тебя слишком большая роскошь. Ты обречен». «А теперь идем в Вифлеем. Помолись на прощание с Богом. Еще немного и мы попадем в самый пик жары».

Она встала. Я оставил несколько шейкелей на столе. И на жару мне сейчас было наплевать, потому что мне сейчас было наплевать на все, кроме сынули. Какое-то сомнение в ее словах билось робким голубком в груди. Какая-то безумная надежда.

Изабелла смахнула что-то с ресниц. «Пыль», сказала она на выходе.

Мы нырнули в бассейн солнечного света. Одели защитные очки. Дальше шла широкая пыльная дорога с редкой растительностью до горизонта. Навстречу араб в чалме и в халате подгонял стадо овец, и мы отошли на обочину. Мы больше не разговаривали. Изабелла подозрительно хорошо знала дорогу. Кого все же ты здесь водила, дорогая Изабелла? И в чем твоя надежда? Кого ты вела на убийство? – думал я, забыв, что она все слышит. Впрочем, мне было все равно. Теперь не было места на земле, где бы я мог спрятаться. И все-таки. Что если научиться молчать? Мыслить беззвучно. Как же они этого достигли. И может быть это и есть настоящее мышление? И прав был Триггер, сказав мне о маразматическом мышлении. Задача показалась мне невозможной.

Не дадут они мне молчать и спрятаться. Как только я не откликнусь на несколько их реплик, я услышу: «Ну как там сынуля?» И мои внутренности заорут в панике: «Жив, здоров, неприкосновенен». И я услышу смех в ответ.

* * *

Началась сухая степь с кустиками травы. Пастух в чалме и халате все гнал куда-то стадо овец. Показался арабский поселок. Клубы дыма подымались над кирпичными зданиями. Ого, вырвалось у Изабеллы. «Мы попали в Интифаду. Это арабские повстанцы. Говори с ними на английском. Я буду молчать. Скажи, что мы туристы из Нью-Йорка. Идем паломниками в Вифлеем. Если они поймут, что я израильтянка, нам не поздоровится».

Мы продолжали идти и, со своими рюкзаками, выглядели как туристы. На первой же улице нас окликнули из дверей кафе. Я понял, что им надо знать откуда мы. Я помахал приветственно рукой и прокричал: «Нью-Йорк!» В ответ они махнули рукой, чтобы мы шли дальше.

Посередине улиц горели автомобильные шины, друг на дружке. Запах удушающий. На плоских крышах зданий сидела арабская молодежь и швырялась вниз пустые бутылки. Вся улица была в осколках. Вокруг шин сидели и стояли возбужденные арабы с пивом в руках. Переговаривались горланно между глотками из бутылок.

Мы продолжали идти по осколкам стекла. От одной из групп вокруг горящих шин отделился юноша и двинулся к нам. Я скорее догадался чем услышал его: откуда вы? И начал объяснять ему на английском легенду о Нью-Йорке и Вифлееме. Он ушел с кем-то посоветоваться. Мы стояли под их наблюдением, но никто не проявлял враждебности. Американцев они действительно не трогали.

Юноша вернулся и сказал: «Можете идти». Я с недоверием посмотрел на группы арабов в предстоящем пути сквозь поселок. Он понял и сказал: «Я провожу». И пошел походкой вразвалочку рядом с нами.

В конце поселка я его поблагодарил. И мы пошли дальше через степь, отходя от прошедшего напряжения.

«Молодец», похвалила Изабелла. «Не ожидала». Моя королева меня похвалила. Теперь я был возбужден уже по этому поводу.

Вифлеем встретил шестиконечной звездой на башенке ворот. «Изабелла», сказал я через воспаленную от жары глотку. «Я люблю тебя». Она рассмеялась устало: «Да ты романтик. Я замужняя женщина. Не позорь меня».

Мы пришли, вступив под ворота. И начали разыскивать Храм.

«Изабелла», спросил я, «скажи, зачем мы сюда пришли? Только правду».

«Чтобы посмотреть на твои возможности», сказала она. «Что ты можешь. Ты был хладнокровен в интифаде. Тебе

зачтется. А сейчас я хочу знать о тебе и твоём Боге. Я так понимаю у тебя в жизни свои контакты».

* * *

Мы вошли в старый город и оказались в толпе туристов. Изабелла спросила: «Что бы ты хотел увидеть в этой цитадели Христианства?» Я сказал: «Помолиться в священном гроте у яслей, где родился Христос».

Мы вошли в Церковь Рождества и, когда оказались у грота, меня охватил энергетический пожар, с ног до головы. Я дрожал от накала каждой клеточкой тела, как спираль в электрической лампе. Вокруг нас суетились туристы, но мы их не замечали. Мы были сосредоточены на своем погружении в историю. Иисус и Мария говорили с нами языком волшебства родившейся в этом месте легенды тысячелетней давности. Мы были там, у самого истока, замершие в его моменте, постигая таинство свершившегося. Мы не принадлежали себе. Что-то сверх нас вступило в силу.

«Помолись» сказала Изабелла. «Может, поможет». Я помолился и сказал в конце: «Пошли мне Свет в знак того, что ты меня слышал», не надеясь на возможность чуда. Случайно я обернулся, и меня ослепила магниевая вспышка фотокамеры одного из туристов. В испуге, я отпрянул назад и чуть не упал.

«Здорово!» сказала Изабелла. «Так и я стану христиан-

кой». Шатаясь, мы отправились в обратный путь. Все что мы увидели после этого, не имело значения.

В Иерусалим мы вернулись на автобусе.

* * *

Увидев нас входящими в квартиру, Эллочка завизжала и повисла у меня на шее. Я не знал как ее оттуда снять. Триггер сказал: «Иди к себе в комнату. Отдыхай. Мы с Изабеллой побеседуем. Вечером будет праздник».

«Какой праздник?» Переспросил я.

«Н-ну, партия Авада устраивает вечеринку. У нас же выборы, что б ты знал. Авада лидирует». Замял мой вопрос Триггер. «Выспись».

Я возмутился: «Ни в какой вечеринке участвовать не буду. Я переутомлен. Я болен. (Я действительно испекся на солнце, у меня кружилась голова).

Триггер нахмурился и отчеканил: «Присутствие обязательно».

Я уперся, плохо себя контролируя: «Не пойду».

«Только попробуй», процедил Триггер. «Рано начинаешь бунтовать».

«Ой!» пискнула Эллочка. «Пойдем, милый. Отдохни. Я тебе головку помассажирю».

Я ушел в комнату, хлопнув дверью. Эллочка влетела за мной, бледная от ужаса: «Что ты делаешь?», залопотала она.

«Это же Тригер! Он от тебя мокрое место оставит».

Я взял с дивана одеяльце и подушку. Улегся в углу на полу, оставив Эллочке диванчик. «Не прикасайся ко мне», озлобился я на нее. «Пошла вон». Эллочка молча убралась из комнаты.

Я уснул, действительно больной. Какая муха меня укусила? Меня шокировало возвращение от близости Христа к убийственно тяжелым вибрациям Тригера. Как будто кто-то ударил меня бревном по голове. И я вырубился.

Я проснулся, когда в комнате было уже темно. Вошла Эллочка и начала что-то лопотать про гостей в гостиной, и что меня ждут.

Я сказал: «Передай, что я болен»

Она прошептала испуганно: «Милый, ты делаешь большую ошибку. Тригер страшный человек. Он тебя уничтожит».

Я повторил: «Убирайся!» И она исчезла.

В гостиной стоял шум попойки. Раздавались возмущенные голоса: «Что он о себе думает? Выскачка. Против Тригера попер. Против всех нас. Ничтожество. Проучи его, Тригер».

На меня напала злость. Слишком велика была разница между мной этим утром и мной сейчас. Я не вынес шока. Мне захотелось с ними расплатиться.

Я собрался в комок и одним могучим броском послал им негативный заряд, подключил второе видение и отослал в го-

стиную парочку черных пантер. Они набросились на участников попойки и начали их трепать.

Они бросались им на грудь и опрокидывали на пол. Они хватали их за горло и выпускали кровь.

В гостиной завязалась драка между так называемыми членами Авады. Они швырялись бутылками и стульями, не понимая что их к этому побудило. Мои пантеры разбудили в них звериное начало и они готовы были убить друг дружку.

Потом стихло. Что-то говорил Тригер. Я расслышал: «Пора расходиться. Идите домой и будьте осторожны. Контролируйте себя».

Я отозвал пантер. Через какое-то время тишины скрипнула дверь и тихонько вползла Эллочка с кружкой в руке. «Тригер шлет тебе кружку чая, милый. Выпей. Тебе полегчает».

Я удивился, но решил, что я отомщен и Тригер предлагает мировую. И с удовольствием выпил чай, успокоившись.

После чая мне действительно стало легче. Эллочка, не приставая ко мне больше, улеглась спать на диване. Я остался на полу. «Все хорошо», решил я и уснул снова.

* * *

Я проснулся в полной темноте. На диване храпела Эллочка. Я лежал на полу, на спине. Мои открытые глаза поглощали тьму. В этом мраке вдруг образовался кинжал в золо-

тых ножнах. Он упал на меня, как будто кто-то запустил его мне в грудь мощной рукой из тьмы, и он упал с глухим звуком от удара. Это был старинный кинжал, сияющий драгоценными камнями и в золотой ауре вокруг своих ножен. Я ощутил удар от его падения, его вес, что убедило меня, что это не фантазия и не бред, а каким-то образом он на самом деле существовал. Видение это меня потрясло. Но он исчез, растаял и я испытал облегчение.

Я сказал себе: «Наверно мне что-то подсунули в чай. Это штучки Тригера». Никогда раньше у меня не было галлюцинаций.

Я закрыл глаза, хотя было мало надежды, что я снова усну. И не ошибся.

Перед моими закрытыми глазами возникла красная световая точка и помчалась на меня с расстояния в пару метров. Я замер от нового испуга и удивления. Она ударила меня в лоб и голос сказал: «Алая капля. От этого умирают мгновенно». Это был Тригер. Он послал ее как я послал ему пантер. Меня пытались убить.

Сердце мое вдруг сжалось. Мне стало невыносимо душно. Я подумал, что наверное закрыто окно. Надо открыть. Я с трудом поднялся на ноги. И шагнул к окошку. На пути у меня находился журнальный столик возле дивана. Эллочка продолжала храпеть. Я ударился коленом о столик и рухнул на него. И потерял сознание.

Я пришел в себя от дикого крика Элочки: «Помогите! Он

умер! Да проснитесь же. Умирает он». Причитала она над моим безжизненным телом на полу у сдвинутого моим падением столика.

Сердце мое сжималось и разжималось со страшной болью. Я застонал. Эллочка заорала: «Скорее, скорее, он задыхается!» И бросилась в комнату напротив нашей, где спали на матрасах на полу пьяные Левочка и Дверной.

Они ворвались в нашу комнату, зажгли свет и перетащили меня на мое одеяло на полу. Эллочка выла белугой. Лева сбегал в ванную комнату и вернулся с мокрым полотенцем, завернутым тугим жгутом. «Сейчас я ему сделаю массаж», заорал он. «Дверной, тащи коньяк».

Он нажимал полотенцем мне на грудь, толкая сердце и отрываясь. Снова толкая и снова отрываясь. Дверной влил мне в рот теплый коньяк в рюмке. Я открыл глаза. Боль, как будто меня пронзили кинжалом, и удушье. Я хватал воздух ртом.

Левчик скомандовал: «Теперь в душ. Дверной, включи холодный. Я его потащу в ванную». Вояка-Левчик, на фронте обучившийся первой помощи, взвалил мое мертвое тело на плечо и встал вместе со мной под ледяной душ. Мне стало хуже. Я простонал: «Левчик, я падаю. Я теряю сознание». Но Левчик не давал мне сползти вниз на цементный пол. Он прижал меня к себе и держал нас обоих под душем.

Дверной вызывал скорую по телефону в гостиной. Я кричал от боли в груди.

Лева притащил меня обратно в комнату в полу-бессознании и положил на мое одеяло: «Что будем делать?» спросил он Дверного. Внизу завывала сирена скорой помощи. Я не приходил в себя. Вошли санитары. Один из них спросил меня: «Вы можете вдохнуть на желудок?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.